

**Алексей Калинин
Василий Высоцкий**

**СЛУЖБУ
СОВЕТСКОМУ
СОЮЗУ 2**

Алексей Калинин
Служу Советскому Союзу 2

«Автор»

2023

Калинин А.

Служу Советскому Союзу 2 / А. Калинин — «Автор», 2023

Небесный генералиссимус дал мне второй шанс прожить жизнь. И не просто жизнь, а ту, которую я знаю из газет и из журналов. Знаю, где можно упасть, чтобы подстелить соломку. Обычные люди не знают, что творится за их спинами, а мне... Мне суждено начать работу по дальнейшему соблюдению стабильности и мира в огромной стране под названием СССР. Чтобы обычные люди и дальше продолжали жить, работать, влюбляться и растить детей с уверенностью в завтрашнем дне.

© Калинин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Калинин

Служу Советскому Союзу 2

Глава 1

– Вон, смотри, сейчас нас точно тормознут, – сказал я, показывая на пост впереди. – Вот чуйка у меня на подобные неприятности.

И точно, полненький милиционер в пальто цвета "маренго" махнул нам жезлом, указывая на место рядом с машиной канареечного цвета, по борту которой шла синяя полоса. Таким же желтым цветом светились буквы "ГАИ" на выкрашенном в синий багажнике.

– Сейчас точно будет денег клянить, – вздохнул я.

– С чего ты взял? – спросил Зинчуков, поворачивая руль "Волги". – Ах да, забыл... Тебе же не просто так дали оперативную кличку "Оракул".

– Не кличку, а позывной. И тут всё просто, как дважды два четыре. Улаганский тракт особо не радуется наличием машин, – хмыкнул я в ответ – Тут нет почти никого. А мы с московскими номерами "ММЦ" как подарок с небес. Не государственные номера, не правительственные... И по любому найдет какое-нибудь нарушение, чтобы дырочку в талоне пробить. Либо намекнет о возможности запломбировать дырочку денежкой.

– Думаешь? – хмыкнул Зинчуков. – Ну что же, тогда покажем ему фокус...

Он свернул на обочину и с улыбкой вышел наружу. Я тоже вышел, чтобы ноги размять и чтобы не упустить грядущий спектакль. Всё-таки путь не близкий, да и дорога из гравия не предполагала большого расслабления. Осенние дожди успели основательно подпортить покрытие, отчего Зинчуков еле слышно матерился, когда колесо попадало в невинную на вид лужицу, которая коварно скрывала глубокую рытвину.

Второй гаишник сидел в машине. Погода на улице не радовала, поэтому ему явно лишний раз не хотелось высовывать нос на улицу. Для "развода" хватит и одного человека.

– Старший лейтенант Кудытов! – небрежно отдал честь остановивший нас гаишник. – Нарушаем, граждане?

Вот так вот с места и в карьер. Даже не спросил для приличия документы, не попялился в них, чтобы хотя бы чуточку проявить заинтересованность. Нет, сразу же пошел прессинг.

– Да вы что? Какие нарушения? – доброжелательно отозвался Зинчуков. – Мы самые законопослушные люди в СССР! Сами не нарушаем и нарушителей презираем.

– Да? Тогда почему превышаете скорость? – нахмурился старший лейтенант Кудытов.

– Когда? – сделал глуповатое лицо Зинчуков. – Я всегда езжу аккуратно. Тем более, что путешествуем с сыном, любимся горами и природой... Тут не до скорости.

В ответ на его слова старший лейтенант поднял вверх руку с секундомером-скоростеметром. Он показал значения на круглом циферблате, а потом махнул рукой в ту сторону, откуда мы ехали.

– Вон там стоят столбики, отмеряющие сто метров. Так вы превысили разрешенную скорость на целых двадцать километров. А говорите, что никогда не лихачите, товарищ автовладелец, – покачал головой лейтенант.

В его голосе слышалась вселенская грусть от того, что существуют на свете подобные люди, которым сам черт не брат и которых хлебом не корми – дай только нарушить правила дорожного движения. Ведь как раз из-за таких людей и должны мерзнуть на холодном ветру люди, подобные доблестному гаишнику Кудытову.

– Ух ты, даже не заметил, – продолжал валять дурака Зинчуков. – У вас тут такие виды, такие алтайские красоты, что невольно перестаешь следить за скоростью. Прошу прощения,

товарищ старший лейтенант. Больше такого не повторится. Может... Обойдемся предупреждением?

И тут лицо гаишника стало ещё грустнее. Он явно жалел нерадивого водителя и его сердце обливалось кровью, но...

– Товарищ водитель, к сожалению я не могу вас так просто отпустить. Вы сами видите, что дорожное покрытие неровное и превышать скорость ни в коем случае нельзя. К сожалению, подобные действия могут привести к аварийной ситуации. Я просто вынужден сделать прокол в вашем талоне... Эх, и куда же вы так спешили-то?

С видом самого скорбящего в мире человека гаишник достал свой компостер. По его лицу только горькая слеза не пробежала – так он переживал о грядущем действии.

– Так мы же фокусники, торопимся в Акташ на представление, – Зинчуков вытащил свой идеально целый талон. – Товарищ старший лейтенант, так может не надо делать прокол в таком талоне? Зачем портить жизнь водительскую? Может, как-нибудь по-другому удастся договориться?

Гаишник помолчал для вида. Оглянулся на своего напарника, посмотрел на меня.

– Товарищ водитель, вы хотите договориться с инспектором ГАИ? – поднял он бровь.

– Ну да, я могу показать фокус с превращением десятирублевой купюры. Вот сейчас я положу эту купюру вам в карман, скажу волшебные слова, а через мгновение она удвоится. Хотите увидеть такой фокус? – с лукавой улыбкой спросил Зинчуков.

Гаишник недоверчиво хмыкнул:

– Что? Вот так вот прямо и удвоятся?

– зуб даю! – ответил Зинчуков.

– И червонец дадите посмотреть? А то вдруг там он какой с секретом?

– Конечно дам, вот, держите...

Зинчуков выудил из кошелька красновато-рыжую купюру с портретом Ленина и протянул её гаишнику. Тот осмотрел её со всех сторон, понюхал, только что на зуб не попробовал.

– Ловкость рук и никакого мошенства? – спросил Кудытов.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– И удвоится?

– Может быть даже утроится. Смотря какие слова сказать, – всё также солнечно улыбнулся Зинчуков. – Волшебные...

Мне тоже стало интересно – куда же клонит человек, с которым мы начали работать в тройке? Ну, как работать... Меня только начали обучать всем премудростям незаметной жизни.

– Тогда показывайте, – гаишник даже чуть выпятил грудь.

Зинчуков засунул купюру в карман гаишника, потом таинственно помахал руками и произнес:

– Как говаривал старик Хоттабыч... Трах-тибидох! Пусть вместо одного червонца станет два! Можете доставать.

Гаишник тут же сунул руку в карман, а когда вытащил, то там был всё те же десять рублей. Он с легким вопросом во взгляде посмотрел на Зинчукова:

– Это что, фокус не удался?

– Да нет, всё нормально, – улыбнулся Зинчуков и ловким движением фокусника открыл перед глазами Кудытова красное удостоверение. – Всё прочитали, товарищ старший лейтенант? Так как по вашему – фокус удался?

Кудытов помрачнел, вытянулся в струнку и произнес:

– Удался, товарищ майор! Прошу прощения, что сразу не признал. Доброго пути...

– Какого доброго пути, старлей? – хмыкнул Зинчуков. – А как же удавшийся фокус? Ведь если он удался, тогда должны были быть две купюры. Или мне добавить "волшебных слов"?

На этот раз уже Зинчуков выражал вселенскую скорбь от действий гаишника.

– Товарищ майор, я же извинился!

– И что? Мне теперь после тебя нервы лечить, а хорошее кизлярское лекарство дорого стоит. Впрочем, я могу уехать и так, но... сам понимаешь... Тогда уже проколы будут не на талонах, а на погонах...

– Понимаю, – со вздохом сказал Кудытов и полез во внутренний карман.

Десятка добавилась к десятке. После этого гаишник протянул купюры Зинчукову.

– Доброго пути, товарищ майор.

Банкноты исчезли в кошельке. После этого гаишник вздохнул и отдал честь.

– Счастливо оставаться, – подмигнул ему Зинчуков, насмешливо вскидывая руку в ответ, после чего повернулся ко мне. – Борька, размялся? Прыгай в машину.

Да, теперь я Борис Петрович Смирнов. Человек без определенного места жительства, но с определенными задачами для житья. И одной из насущных задач сейчас является путь до поселка городского типа Акташ. Не просто же так мы трети сутки едем на машине Зинчукова.

Не просто...

– Весьма поучительно, – хохотнул я, когда мы тронулись в путь. – А гаишник так и стоит, глядя нам вслед.

– Будет ему уроком. А то привыкли тут дурачков ошкуривать. Ничего, пусть сам побудет на месте дурачка.

Я посмотрел в боковое зеркальце. Второй гаишник вышел только после того, как мы отъехали. Точно почувствовал неприятности. Увидел красное удостоверение...

– И фокус неплох, гаишник даже спал с лица, когда "ксиву" увидел.

– Эх, это ли фокус, – вздохнул Зинчуков. – Вот Пантелеймон Борисович, к которому мы едем, вот кто настоящий фокусник. Наверное слышал про перестрелку из-за острова Даманский?

Конечно же слышал. Как не слышать, если это общеизвестный факт, что наши советские пограничники закусились с китайскими. Да и по времени это было совсем недавно, в 1969 году. И пусть я попал в тело молодого человека в 1972-ом, но слышать о конфликте просто был обязан. Иначе это вызвало бы подозрение – вряд ли можно было найти человека в СССР, который не знал, что Китай планирует откусить кусок от страны.

– Так вот, заключил перед этим «Внешторг» договор с одной китайской фирмой на поставку в СССР, ну, скажем на «глазок», миллиона махровых банных полотенец. Вроде все ясно и понятно: Мы вам деньги – вы нам товар. Но, как на грех, в это время наши отношения с Китаем (на высшем уровне) уже начинали пробуксовывать...

– То есть, не совсем ещё стреляли, но уже...

– Да, уже, – кивнул Зинчуков. – В общем, хитрые китайцы бодро поставили в Союз половину, оговоренной в договоре, партии этих самых полотенчиков, а вторую половину, так же бодро продали подороже во Францию. А французы уже поступили с этими полотенцами по своему усмотрению. Нашли халатов или ещё чего, но переделали, короче.

– И как? Половина-то оплачена.

– Да-да, оплачена, а сами китайцы всё щурят глазки и улыбаются. Вроде бы и не отказываются, но в то же время и поставлять не поставляют. Руководство уже хмурится, требует результаты. Тогда и отправили в Китай группу наших, среди которых направили и Пантелеймона Борисовича. Дали всем строгий наказ разрешить ситуацию – либо вернуть полотенца, либо стясти неустойку по контракту. Сам понимаешь – это всё не очень хорошо бы сказалось на международной политике. А там ещё американцы подтягивали, говорили, что китайцы не отдадут по закону, что, мол, так всё и должно быть в цивилизованном обществе.

Я только покачал головой. В цивилизованном обществе уже не бьют ножом, в этом обществе предпочитают на голову скинуть бомбу, а после с уверенностью сказать, что иначе поступить было нельзя.

– Так вот, наши долго и упорно вели переговоры. Но китайцы... Эти узкоглазые засранцы заявили, что они вовсе не отказываются поставлять недостающую часть товара. Однако, остаток полотенец будет с портретом Мао Цзэдуна! Представляешь? На фоне накаляющейся обстановки такие выкаблучивания! И ведь не докопаешься! Полотенца-то будут поставлены – контракт не нарушен. Вроде бы всё хорошо, но как это будет выглядеть в Советском Союзе? Целый анекдот! Причем с политическим подтекстом, таким, чтобы весь мир насмеялся над облапошенным советским народом.

– И что?

– А то, что Пантелеймон Борисович придумал, как выйти из этой ситуации. На следующей встрече он с радостью принял предложение китайских "товарищей", даже занес уже ручку для постановки подписи под соглашением с портретом Мао, но... Вслух произнес, что эти полотенца будут использованы для вытирания нижней части тела! Во! Каков поворот, а? Почти прямо сказал, что портретом Мао будут вытирать не только жопы, но и другие срамные места. У китайцев даже глаза стали круглыми. Такого поворота они точно не ожидали...

– И что в итоге? – спросил я, когда Зинчуков начал затягивать театральную паузу.

– А что в итоге? Китайцы всё поняли, извинились, а после в СССР пришли полотенца с простыми и банальными изображениями, там бамбуки, журавли, горы и туманы...

Я расхохотался. Зинчуков поддержал меня. Этот смех позволил немного взбодриться. Всё-таки трехдневный путь не из самых легких. Тем более, когда далеко не все дороги асфальтированы...

– Веселый человек этот самый Пантелеймон Борисович, – сказал я, отсмеявшись. – А мы для чего к нему едем?

– Чтобы ты научился основам дипломатии. Чтобы знал, что и как делать среди чиновников высокого ранга, партийных работников и высшего руководства.

– Во как, а зачем мне это будет нужно? Для какой-то операции?

– Ну да. Для операции, – неохотно сказал Зинчуков.

– И в чем же цель операции, если мне придется так много узнать? Что мы будем делать?

– Ликвидировать Гитлера... – просто ответил Зинчуков.

Я едва успел поймать отпавшую челюсть и ошалело уставился на майора:

– Ч-чего?

– Чего-чего... Казнить Гитлера будем, Борька, – хмыкнул Зинчуков в ответ.

Глава 2

Казнить Гитлера...

Я-то уже успел подумать, что видел всё в этой жизни. Что меня, как прожженного солдата уже ничем не проймешь, но нет. Как оказалось, бывает и на старуху проруха.

Я действительно охренел!

Всю свою прошлую жизнь, вплоть до смерти в начале двадцать первого века от взрыва гранаты, я был уверен, что Гитлер по-самурайски наложил на себя руки. Его труп и труп его жены сожгли и закопали в трех метрах от входа в бункер под имперской канцелярией. Этого монстра опознали и потом долго мытарили, то закапывая, то раскапывая тело.

Ведь помнил о том, как всё произошло... Даже помню статью из газеты о том, как всё было в те последние апрельские дни, когда Красная Армия уже почти окружила Берлин:

"Начальник его охраны бригадфюрер СС Ханс Раттенхубер рассказывал, что, когда раздался выстрел, он первым зашел в комнату. Мертвый Гитлер с залитым кровью лицом сидел, откинувшись, на диване. Рядом с ним – мертвая Ева Браун. Она приняла яд. Возле ее кресла лежала желтая металлическая ампула из-под цианистого калия. Ампула была похожа на пустой футляр от губной помады.

Адъютант Гитлера Отто Гюнше сказал личному шоферу фюрера Эриху Кемпке, что хозяин мертв, и попросил достать двести литров бензина.

– Как это произошло? – поразился Кемпка. – Он же был совершенно здоров.

Гюнше, сжав правую руку в кулак, указательным пальцем ткнул себя в рот, показывая, что Гитлер застрелился.

– А где Ева? – продолжал расспрашивать Кемпка. – Она тоже застрелилась?

– Отравилась.

Слуга Гитлера Хайнц Линге и эсэсовский врач Людвиг Штумпфеггер вынесли наверх тело Гитлера, завернутое в темное одеяло. Еву Браун вынес начальник партийной канцелярии Мартин Борман. Обитателей бункера позвали наверх – участвовать в траурной церемонии. Но тут открыла огонь артиллерия Красной Армии. Все побежали назад, в бункер.

– Это твоя идея – сжечь тела? – спросил Кемпка.

– Приказ фюрера, – ответил Гюнше.

Через полчаса, расскажет позднее один из эсэсовцев, опознать Гитлера уже было невозможно. Они жгли трупы почти пять с половиной часов. Примерно в одиннадцать ночи останки почти полностью сгоревших тел завернули в брезент, опустили в одну из воронок перед входом в бункер и засыпали землей.

Останками Гитлера занималась военная контрразведка. Задача состояла в том, чтобы скрыть от немцев место его захоронения. Судя по документам, сохранившимся в архивах КГБ, фюрера выкапывали и хоронили минимум шесть раз. В конце концов то, что осталось, зарыли в немецком городе Магдебурге, под окнами отдела контрразведки 3-й советской ударной армии.

В 1970 году председатель КГБ Юрий Андропов предложил Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу, председателю Президиума Верховного Совета СССР Николаю Подгорному и главе правительства Алексею Косыгину окончательно уничтожить мощи Гитлера, с тем чтобы поклонники фюрера никогда не смогли бы устроить его могилу и превратить ее в место поклонения."

А теперь мне заявляют, что нашей операцией будет казнить Гитлера. То есть, казнить того, кто уже давным-давно мертв...

Я молчал и напряженно думал. Нет, в принципе, всё может быть. Всё может стать, ведь находили же чеченских главарей банд-формирований, которые числились убитыми и тем

более опознанными. В нашем мире ничему нельзя удивляться, но я не смог удержаться от присвистывания.

– Не свисти, примета плохая, – хмыкнул Зинчуков. – Что не так-то?

– Да как-то вообще всё не так. Какого Гитлера мы должны казнить?

– Да-да, того самого, Адольфа. И вообще, чего ты удивляешься? Или ты в самом деле подумал, что такая зверюга так просто расстанется с жизнью? Да вот хренушки. Тебя же самого похоронили в похожем варианте, так что чего удивляться подобному спектаклю? Ладно, пока обдумывай слова. Более подробно всё расскажу на месте.

Ну да, определенная доля истины в словах Артема Григорьевича всё-таки есть. Ведь как-никак, а меня похоронили с почестями. Вернее, не меня, а похожего на меня человека. Мертвого парня, которого и так должны были подвергнуть кремации.

А до этого я умирал в своём времени...

В общем, чтобы разобраться в хитросплетениях моих смертей, я должен буду слегка прояснить ситуацию. Я тот самый попаданец, который переместился во времени назад. Меня убили в двадцать втором, и я успешно реинкарнировался пятьюдесятью годами ранее. То есть в семьдесят втором.

В новом теле я оказался другом своего отца и даже успел кое-чему научить будущего батяню. Думаю, что некоторые уроки, которые я получил от него, он совсем недавно получил от меня. Вот такой вот коленкор.

Моя героическая гибель стала предметом обсуждения в газетах, кто-то даже песню мне посвятил. Ведь я смог сохранить почти двести жизней и самолет. А также спас жизнь маршалу Гречко, а это вам не хухры-мухры!

Спас...

Но сам я оказался человеком без лица и без прошлого. Стал боевой единицей секретной организации с названием "Гарпун". Мой будущий отец остался в мирной полосе жизни. Меня же начали готовить к военной жизни...

И вот одним из пунктов подготовки стала наша поездка в поселок "Акташ". Что-то тут планируется, но вот что именно?

Вскоре показался и сам пункт назначения.

– Уф, ещё немного осталось, – проговорил Зинчуков. – Скоро-скоро будет банька и ледяная купель. Скоро-скоро...

Мы въехали в поселок. Вокруг "Акташа" разлеглись великанские холмы, украшенные бахромой елок и сосен. Сам населенный пункт был закрыт со всех сторон от ветров этими здоровенными валунами.

Один из рабочих поселков, где строились двухэтажные деревянные дома с печным отоплением. Также рядом стояли невысокие дома с огородами. Мимо нас проплывали почерневшие от времени сараи из горбыля, покрытые шифером, местами украшенным гроздьями мха.

Свинцовые тучи, почти цепляющие мутными животами верхушки холмов, нагнетали мрачное впечатление. Возможно, когда небо сияет синевой и солнечный свет разливается по округе, поселок имеет не такой гнетущий вид. Но... На небе не было солнца, а в душе ползли сумрачные тучи сомнений.

Редкие встречные люди провожали нашу машину любопытными взглядами. Конечно, для небольшого поселка в три тысячи жителей любой посторонний человек будет белой вороной. В таком поселке многие друг друга знают. Многие друг другу являются родней в той или иной степени родства. А так, как новостей не так уж много, то люди и берут на заметку всё новое. Чтобы потом поделиться в разговоре и этак небрежно бросить:

– Видел, что к Маркотам гости приехали. Наверное, гостинцев навезли. Надо бы к ним наведаться, узнать, что да как?

И тут же пойдут расспросы, что за гости, откуда и как выглядят.

Это в моём времени людям стало по большей степени плевать друг на друга, потому что кому интересна жизнь соседей, если есть жизнь звезд, где куча скандалов, громких криков и тихого плача? И как-то людям становится больше интересно что происходит там, за стеклом монитора или телевизора, чем за дверью.

За дверью обыденность, а в мониторе...

Но вот если отобрать эту обыденность, то она станет той самой мечтой, о которой будут грезить долго. Если убрать мониторы, интернет и прочую напускную чепуху, старательно засирающую добрым людям мозги, тогда станут интересны соседи. Тогда снова начнут ходить на дружеские вечера, чтобы вести беседы и лишний раз обсудить, что вот к Маркотам гости приехали.

А мы тем временем почти выехали за пределы поселка и остановились возле выкрашенного суриком дома. Белые наличники смотрели на нас стеклами окон. За крепким забором начал брехать пес. Судя по басовитому звучанию, пес был не из мелких. Похоже на сенбернара. Гавкал не зло, а предупреждающе, мол, я тут, ребята, так что не шалите...

– Вот, Лорд уже встречает, – Зинчуков заглушил машину, вышел и потянулся. – Ох, как же всё тело затекло. Выходи, Борис, пойдем знакомиться.

– Стоять! – громкий голос заставил вздрогнуть. – Иначе стрелять буду!

В небольшое отверстие просунулось дуло охотничьего ружья.

Глава 3

Если бы мне давали рубль каждый раз, когда в мою сторону направляли оружие, то я запросто мог бы стать подпольным советским миллионером. Вроде Корейко из незабвенного «Золотого теленка».

И в то же время нельзя сказать, что от частоты повторений наставления оружия ощущения притупляются. Вроде как в первый раз страшно, а во все последующие уже привыкаешь.

Хм... Хренушки!

Также стремно, как в первый раз. Но уже появляется мысль, что и в этот раз пронесет нелегкая. Легкая надежда на благоприятный исход вкупе со сжимающимся сфинктером.

Нет, во время боевых действий понятно – стараешься не подставляться и стреляешь в сторону вражеской стороны. А вот чтобы так... в мирное время...

Тут на ум приходят различные мысли, но в первую очередь ориентированные на выживание и уменьшение возможного ущерба. Поэтому моё тело рефлекторно скользнуло в сторону от Зинчукова. Мягким и ровным движением перетек с одного места на другое. Всё-таки стрелять в двоих одновременно будет затруднительно даже для завязанного стрелка.

Зинчуков похожим движением переместился в другую сторону. Ствол ружья дернулся было за мной, а потом перешел на Зинчукова. Похоже, что его выбрали наиболее опасной мишенью.

Ну да, я же всего лишь худощавый черноволосый мальчишка восемнадцати лет. Какой с меня понт? А вот крепкий и подтянутый майор представляется гораздо большей угрозой.

– Я что сказал? Стоять, или влеплю кому-нибудь заряд! – послышалось с той стороны калитки.

– Пантелеймон Борисович, добрый день! – громко ответил Зинчуков и поднял руки. – Не нужно стрелять. Мы к вам от Вягилева. Моя фамилия Зинчуков, а это Смирнов. Вас должны были предупредить.

– Никто меня ни о чем не предупреждал! Проваливайте отсюда! – ствол ружья снова дернулся.

Зинчуков дернул бровями и показал мне на угол забора из горбыля, который под углом в девяносто градусов опоясывал дом.

Что? Он хочет, чтобы я обошел человека с ружьем? Чтобы перелез через забор и обезвредил?

– Я кому сказал? Или мне разрядить ружьё? Думаете, что слабо? Так вот хрен там! Скажу, что вы ограбить меня вздумали! Меня ещё к награде приставят! – продолжал распространяться голос. – Проваливайте подобру-поздорову, а не то у меня рука не дрогнет!

Пока ружьё направлено на Зинчукова, моя фигура была второстепенной целью. Я сделал ещё один незаметный шаг в сторону и вовсе вышел из зоны поражения. Нет, выстрелом меня ещё могло достать, но небольшое квадратное отверстие в заборе, в которое просовывают руку, чтобы отодвинуть засов, не позволяло тщательно прицелиться.

А это уже плюс!

В нас всё ещё целятся – это минус!

Прямо как в песне из мультика. Ещё и пес снова басовито гавкнул. Если собака не привязана, то мне вряд ли так просто удастся подкрасться к стоящему у калитки. А так... по времени мне должно хватить несколько секунд на то, чтобы перескочить преграду из крепкого горбыля, подлететь к мужчине и ударить по стволу снизу вверх.

– Всё-всё-всё! – ответил Зинчуков, всё также держа руки поднятыми. – Мы уезжаем... Конечно, жаль, что нам не удалось встретиться с Пантелеймоном Борисовичем... Но если он

будет завтра, то можно мы подъедем? Мы проделали долгий путь из Москвы. Не хотелось бы уезжать просто так, проделав длинный путь. Борис, садись в машину!

Я поняливо кивнул. Сделав ещё один шаг в сторону, оказался возле «Волги». Звуковое отвлечение тоже играет немалую роль. Открыть дверь, чуть повременить, якобы я забираюсь внутрь салона, а потом хлопнуть дверью – всё это должно было сыграть на небольшой спектакль для ослабления внимания.

– А зачем он вам? – спросил голос за забором.

Может быть, удастся договориться? Ведь если человек разговаривает, то он идет на контакт. И с ним можно вести переговоры.

– А впрочем... Мне насрать! Передайте там... от кого вы приехали, что Пантелеймон Борисович умер два месяца назад и его похоронили! Всё, валите! – голос развеял мои ожидания.

Я бесшумно двинулся в обход. Вот уже и Зинчуков скрылся за поворотом. Я остановился в трех метрах от угла избы, стоящей неподалеку и полускрытой голыми ветвями вишни. Если перелезть через забор в этом месте, то угол скроет меня от возможного стрелка. До него будет пять метров, так что...

Если рвануть с криком и матом, то прогоняющему нас понадобится по крайней мере секунда на то, чтобы податься назад и вытащить ружье из отверстия. Ещё секунда на то, чтобы навести ружье – это уже две секунды. Для того, чтобы ударить по стволу снизу вверх мне будет нужно гораздо меньше, а каким-никаким весом удастся сбить угрожающего с ног.

– Хорошо-хорошо, мы так и передадим. Мы уходим! Не надо волноваться! Конечно, жаль, что мы не встретили Пантелеймона Борисовича и не передали ему письмо от старого боевого товарища... – слышался голос Зинчукова. – Если вы являетесь его родственником, то примите мои соболезнования.

Я подпрыгнул и зацепился за деревянный край забора. Подтянуться и закинуть ногу было секундным делом. Перед этим я осмотрелся, чтобы меня никто не видел – чужой крик может привлечь ненужное внимание. Но темно-рыжая от засохших чертополохов улочка была пуста. В окнах дома рядом тоже не было никакого движения.

Сверху я быстро оценил обстановку. Подо мной приложенные к забору кирпичи, заботливо укрытые куском рубероида и придавленные двумя другими кирпичами. Похоже, хозяин перекладывал печь и крепкие кирпичи решил не выбрасывать, а оставить до поры, до времени. Дальше шли аккуратные грядки, по осенней поре просто темнеющие перекопанной землей.

Крепкая изба скрывала от меня разговаривающего мужчину. Собаки нигде не было видно. По всей видимости она находилась с другой стороны дома. Что же, если я успею пробежать и разоружить хозяина, то получится и запрыгнуть на забор, в случае собачьей атаки.

Пришлось приложить усилия, чтобы перелезть, не поскользнуться на мокрой коре направляющей, и оттолкнуться так, чтобы бесшумно приземлиться между чахлой вишней и кустами черной смородины. Затих.

– А что за боевой товарищ? – слышался голос мужчины. – Может, я его знаю?

– Вряд ли. Если только Пантелеймон Борисович вам говорил о Вягилеве! – ответил Зинчуков. – Но это вряд ли...

– Ну да, незнакомая фамилия. Ладно! Извините, что я с ружьем, но... В общем, прощайте.

Я бесшумно двинулся к углу дома, пригибаясь к меже грядок.

Уже подходя к намеченной цели, я краем глаза зацепил, как с задней стороны выходит огромный пес...

Пес был очень похож на помесь бладхаунда и мастифа, какую мазали фосфорной краской в повести о приключениях Шерлока Холмса «Собака Баскервилей». У животного была

широкая грудная клетка, мощные лапы и грустные глаза. А когда вверх дернулись брыла, то на свет показались ещё и здоровенные зубы в палец длиной.

– Извините, а можно последний вопрос? У Пантелеймона Борисовича остались другие родственники? Может, я заскочу, поговорю с ними... – подал голос Зинчуков.

Мы с псом смотрели друг на друга. Мда, не очень приятная встреча. И если сейчас дернуться к стоящему хозяину, то взамен я оставлю изрядную часть задницы в зубах четырехлапого охранника.

Броситься к забору? Тоже вряд ли успею, а если учесть, что подножкой псу станут сложенные кирпичи, то результат будет таким же, как и в первом варианте.

– Да не было у него никого. Я двоюродным племянником прихожусь, вот и переехал сюда, чтобы дом не пропал... – раздался в ответ голос мужчины. – Но мне ничего передавать не надо. Пантелеймон Борисович умер и вместе с ним умерли все его дела! Прощайте!

Пес неторопливо двинулся ко мне. В его походке звучала скрытая мощь. Так царственно может выступать лев, обходя свой отдыхающий прайд. Ни грамма агрессии, но угроза таится в каждом движении. Чахлая травка не сразу выпрямлялась после того, как её прижимала к земле крупная лапа.

– Тогда у меня на этом всё! Прощайте! – подал голос Зинчуков.

Пес подошел на расстояние уверенного прыжка и замер. Его глаза не отрывались от моего лица. И они были такими же черными и холодными как выходные отверстия ружья. Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Глава 4

Во время относительно мирной жизни мы с бойцами прикалывались над правилами поведения с собаками. Один из наших с позывным Тропа заметил как-то, что если заменить слово «собаки» на фразу «молодые кавказцы», то один в один будет картинка поведения мажористых и наглых южных гостей. Получалось нечто такое:

«Как бы хорошо человек не ладил с другими кавказцами, есть опасность встретить агрессивно настроенных молодых кавказцев. Что же делать в таких случаях, как себя вести и что нужно рассказать своим детям?»

Бродячие и одичавшие молодые кавказцы опасны в группе. Опасность представляют собой уже 2-3 молодых кавказца. Тем более, если их 4-5 и более. Если не желаете неприятностей, обходите такие группы стороной. Немедленно без паники уйдите из зоны конфликта.

Увидев вдалеке бегущую стаю или молодого кавказца постарайтесь без спешки сменить маршрут. Повышенной опасностью отличаются те ситуации, когда в группе начались «разборки», а вы оказались рядом.

При встрече с бродячим молодым кавказцем, оцените, как он реагирует на ваше появление. В ряде случаев достаточно просто аккуратно пройти мимо молодого кавказца, не провоцируя его.

Если вы видите, что на лужайке разлеглись несколько молодых кавказцев – ни в коем случае не идите через такую территорию. Потому что, молодые кавказцы считают эту лужайку своим законным местом отдыха, которое входит в их территорию.

Кормить их или нет – это, конечно, ваше дело. Но знайте, что подкормка далеко не всегда может сохранить «добрососедские отношения». Даже наоборот могут возникнуть ситуации, когда именно попытка задобрить агрессивно настроенных животных может обернуться неприятностью. Или даже бедой: одному корм достанется, а другие ведь тоже голодные. Отсюда – агрессия...»

И так далее и тому подобное. Конечно, русские мажоры мало чем отличались от кавказских, но на слуху были дела как раз южских гостей. Мы как-то привыкли, что «наших» отобьют папашки, вот и ворчали на приезжих. Конечно, тех точно также откупали, ведь у кого есть деньги, тот и заказывает банкет.

Правда, подобный «банкет с освобождением» получался не всегда таким, каким хотелось бы мажорам. И когда у Сереги Гусева изнасиловали дочь, а насильников отпустили через месяц, то Серега сам подал рапорт об увольнении. Уволился и устроился в ЧОП охранником. Через полгода, когда дело подостыло, позабылось, неожиданно у «Мерседеса» одного из троих насильников отказали тормоза. Второй принял вместо героина какую-то дрянь и его не успели откачать. Третий же выбросился из окна... Сам, без посторонней помощи. Даже написал перед этим записку, что он считает себя говном и не может так дальше жить.

Серега так и не вернулся на службу, так и продолжил работать охранником. И ведь никто до него так и не смог докопаться – ни менты, ни быки «папиков». У Сереги кругом было алиби. В тот день он просидел под камерами – встречал и провожал посетителей делового центра. Он только отвечал, что это кара небесная. А уж про то, кто стал ангелом мщения, так и не удалось узнать.

Многие догадывались, но догадки одно, а вот то, что мы с ним организовали – остался знать только один Серега. Меня в двадцать втором уже не стало. Думаю, что и Серега унесет эту тайну с собой в могилу.

Так и выходило, что не всем «мажорам» и молодым кавказцам сходили с рук их невинные шалости.

И если уж говорить о руках, возвращаясь к той ситуации, в которой я оказался, то могу сказать, что собаки должны видеть, что в ваших руках нет ничего.

Вот и сейчас я показал псу пустые ладони, а после... После протянул руку чуть вперед, показывая, что я доверяю ему и нахожусь полностью в его власти. Конечно, так делать ни в коем случае нельзя, если собака агрессивно настроена, поскольку инстинктивно она схватит зубами за первую попавшуюся вещь. Но этот пес...

Он потянулся и ткнулся носом в мою ладонь. Холодный кожаный нос поводил по ладони, словно гадалка искала линии жизни. Похоже, что в моём лице он не нашел врага, поскольку сунул лобастую башку под пальцы.

Потребовал погладить! Небольшой хвост активно завилял!

И в этот момент я всё понял!

Какое бы представление сейчас передо мной ни разыгрывали эти два великовозрастных актера, но вот честное создание сдало их с потрохами. Пес не стал валять Ваньку, а сразу всё расставил по позициям.

Ну что же, тогда и мне пришла пора немного поразвлекаться...

Я пригладил жесткую шерсть на загривке и поднял палку. Увидев продолговатый предмет в моих руках, пес понял, что с ним сейчас будут играть и завилял хвостом ещё активнее. В этот момент на улице завелась «Волга». Артем Григорьевич делал вид, что уезжает. Пес не обратил никакого внимания на звук, зато сразу бросился со всех ног за палкой, которую я швырнул в другую от калитки сторону.

Сам же я кинулся к воротам с криком:

– А ну стоять! Ласты врозь! Культы в гору! Всем лежать! Работает Боря!!!

Пока это прокричал, успел добежать до калитки, где только-только начал подаваться назад невысокий мужчина пожилого возраста. На вид лет пятьдесят-шестьдесят, но крепкий, как сибирский кедр – явно не в кабинетах жизнь прожигал. Фуфайка, ватные штаны, кирзовые сапоги – чем-то занимался на улице, когда приехали «незваные гости».

Всё это я успел оценить в те несколько мгновений, когда летел к хозяину дома. Он успел податься назад и теперь переводил ствол в мою сторону. Я тут же бросился вниз, футбольным подкатом ударил по ногам и подбил ружье вверх.

– Эх и ептить! – только и успел вскрикнуть мужчина, бухаясь на пятую точку.

Ружье «ИЖ-18» взлетело в небо, а когда рухнуло обратно, то попало точно в мои руки. Короткий взмах и приклад замер в миллиметре ото лба упавшего.

– Ну что, напоите водой уставших странников, а то так есть хочется, что переночевать негде, – спросил я.

– А ты думаешь тебе до водички будет, когда яйчишек лишишься? – совершенно спокойно ответил мужчина и показал глазами вниз.

В его правой руке чернел стволом «Макарыч». Зрачок пистолета был точно направлен мне в пах.

И когда только успел выхватить?

– Товарищи, товарищи, не начинайте без меня! – послышался веселый голос Зинчукова. – Я хочу это увидеть!

Шлепанье бегущих ног по земле уведомило нас, что в нашей паре скоро появится третий.

В край забора вцепились пальцы, потом показался носок сапога. Через несколько секунд с хэканьем приземлился Зинчуков.

– Мог бы и в калитку зайти, – буркнул мужчина.

– И не увидать всей полноты картины – Борис оглушает Пантелеймона? О! Лорд! Здорово, чертяка! Палку принес? Молодец, молодец... Беги! Эх, какая же красота, мужчины! Да если бы я обладал даром скульптора, то высек бы вас в камне!

– Вас бы самих высечь за подобные вещи. Без предупреждения и телеграммы... – пробурчал Пантелеймон Борисович, а потом оттолкнул ото лба приклад и протянул мне руку. – Давай, футболист, поднимай дедушку. Вот что за манера пошла – чуть что, сразу на холодную землю ронять? А если у меня радикулит?

– Да на тебе колхозное поле перепахать можно, Борисыч! А что без телеграммы, то прости нас, видимо где-то письмецо затерялось в пути.

Я помог мужчине подняться. Его ладонь была шершавой, пальцы крепкими. Точно не ручку крутил в кабинете.

– Борис Смирнов, – представился я. Всё как полагается восемнадцатилетнему парню – рано мне ещё отчество носить. – Извините, если слегка помял. Это в благодарность за ваши шутки.

– Пантелеймон Борисович Корнев. Как понял, что надуваем? – прищурился хозяин дома.

– Собака вас выдала. Такой пес не для охраны, он больше для нападения, а раз сразу не напал, то понятно, что не было такой команды. Вам нужно было меня на испуг взять, проверить, так сказать...

– Всё правильно мыслишь, – кивнул хозяин дома. – Лорд! Иди сюда, предатель! Ты чего нашего гостя не пожевал, как следует?

– Гаф! – густым басом ответил пес и ткнулся мне в ладонь кожаным носом.

– Эх ты, – укоризненно покачал головой Пантелеймон Борисович. – Даже пошутить по-стариковски не даешь. Ладно, гости дорогие, проходите в дом. Сейчас баню затоплю. Все разговоры потом, сперва, как в сказке, напою вас, накормлю и пошлю в баню...

Глава 5

Как же я люблю русскую баню...

Вот никогда не думал, что место, где пышет жаром так, что уши в трубочку заворачиваются, может быть самым лучшим местом на свете. Когда выбиваешь из себя дубовым веником не только внешнюю грязь, но и внутреннюю. Когда жар сменяется холодом ледяной воды из шайки. Или из раскаленной парной прыгнуть в снег и чувствовать, как ледяной снег обжигает кожу. Конечно, снег не может обжигать, но вот когда выпрыгиваешь и оставляешь след в холодной простыне... Ммм... ощущения, что прямо-таки жжет раскаленным пеплом.

И вскоре я там окажусь... Даже мурашки по коже пробежали от предвкушения...

Корнев показал нам на входную дверь:

– Там чайник горячий, плюшки на столе. Пока заморите червячка, а дальше я вас позову.

– Спасибо, хозяин. Сразу бы так, а то сходу в морду ружьем тычешь, – хмыкнул Зинчуков.

Мы уже успели сходить до машины и вытащили несколько походных сумок. Конечно, это не клетчатые «мечты оккупанта», но тоже объемные.

– Ну, так надо же было проверить мальчишку, – сказал Корнев. – А чем лучше всего проверять? Только боевой ситуацией.

– Проверил? – чуть задержался Зинчуков.

– Не до конца. Проверка пройдена не полностью. Ладно, валите, а то вы же с дороги...

Мы прошли в небольшие сенцы. Уютно, половички кругом. Сундук как из сказки возле дальней стенки. Возле деревянной скамьи кадушка литров на двадцать, крышка прижата солидным камнем. Явно капуста солится. Я даже слотнул, когда представил вкус хрустящей и соленой капусты. Под потолком сушились небольшие рыбешки. Те самые, которые хорошо заходят под пиво в дружной компании.

Всё-таки да – поесть бы не мешало.

Сенцы привели на кухню. Мы сразу же уперлись взглядами в бок беленой печки. Справа за легкими занавесками скрывалась большая горница с рядом узких окон. Её освещала необычная люстра – словно раскидистую ветку выдолбили изнутри и пустили по ней провода, заставив две лампы висеть как груши на суку. Свет расплескался по узкой солдатской койке, по шторам на окнах, по темно-коричневому серванту, по черной тумбочке с мерцающим телевизором, по двум могучим креслам.

Слева находилась кухня, она же, по всей видимости, являлась и гостиной. Тоже не маленькая, скажу я вам. Центральное место занимал деревянный стол, такой же крепкий и могучий на вид, как и хозяин. Такой век простоит и не шелохнется, если не подточит семейство древооточцев.

К столу приткнулись шесть табуретов. Видно, что сиденья недавно покрашены суриком – они ещё поблескивали на свету. Я даже опасливо потрогал пальцем сиденье – не прилипает ли?

Тут была спартанская обстановка, кроме тяжелых табуреток, крепкого стола под синей клеенкой, ещё имелась электрическая плита на две конфорки и старенький кухонный комод. На широком печном шестке подбоченились горшки, сковороды. Словно худой охранник возле них красовался рогатый ухват.

На столе из-под полотенца высывались румяными боками пироги. Горшочек с медом, банка малинового варенья и кринка молока добавляли красочности натюрморту.

– Ну что, раз хозяин дал добро, то давай угостимся, чем Пантелеймон Борисович послал, – предложил Зинчуков и приподнял расшитое узорами полотенце. – Ого! Да тут шаньги! Сто лет их не ел. Уже забыл, какими они бывают на вкус!

Я же тем временем взял две алюминиевые кружки с крючков на стене и после ухватился за чайник. Он был и в самом деле горяч – пришлось братья за ручку через лежащую неподалеку тряпку.

Когда наливал чай, то ароматный пар от заваренных трав так шибанул по ноздрям, что даже слегка закружилась голова. Пахло летом и залитым солнцем лугом. Пахло теплом и радостью.

– Да уж, Борисыч умеет заваривать чай, – одобрительно хмыкнул Зинчуков, когда аромат достиг и его ноздрей. – Сам собирает травы, сам сушит. Большого ума человек... Даром что его до сих пор уважают наверху и чуть-что совета спрашивают.

– Ну что же, попробуем, чем хозяин угощает. Добротой и лаской он уже встретил. Так теперь попробуем хлебного гостеприимства, – улыбнулся я в ответ.

Шаньги были похожи на ватрушки, вот только вместо творожной начинки тут была начинка из картофельного пюре. В других присутствовала гречневая каша с рубленным вареным яйцом. В третьих гороховое пюре. Да, был своеобразный вкус, но аппетит утоляло здорово.

Ароматный чай сразу же придал сил. По телу разлилось тепло и блаженство. Казалось, что не было позади двух тысяч километров. И что можно снова за руль и ехать обратно.

Артем Григорьевич только покряхтывал, глядя на меня и стараясь не отставать в поедании печева. В общем и целом, когда мы отвалились от стола, заморив червячка, можно было сказать, что «приветствие» Пантелеймона Борисовича целиком искупилось угощением.

– Ох, то ли ещё будет, Борис, – подмигнул Артем Григорьевич. – Ведь это только легкий перекус, а основное угощение нас ждет после бани. Ты не смотри на Борисовича, он на вид грозный, но в душе... Если его хорошо узнать и прочувствовать, то золото, а не человек.

Входная дверь без шума отворилась и на пороге появился сам Пантелеймон Борисович.

– Про меня вспоминали? Нахваливали, небось? Да по рожам вижу, что не ругали.

– Спасибо, Пантелеймон Борисович, – сказал Зинчуков, поднимаясь из-за стола. – Угощение было царским.

– Да, я такой вкусотищи никогда не пробовал! – нимало не покривив душой заметил я.

– Да? Ну вот и ладно, – ответил хозяин дома.

Он постарался сдержать улыбку, но было видно, что похвала пришлась ему по вкусу. Похоже, что у старика не так много гостей было, раз он так реагирует.

– Я с утра баньку подогрел, так что сейчас только дровишек подбросил. Особого жара нет, так что мальчишку можно сейчас отправить мыться, а мы уже потом подойдем, когда взрослый жар найдет.

– Да я могу и со взрослыми сходить, – ответил я.

– Не, Борь, ты пока не знаешь, о чем говорит Пантелеймон Борисович! Не горячись! – остановил меня Зинчуков. – При «взрослом» паре кровь кипит и глаза наружу лезут. Без привычки тяжело...

– Ладно, уговорили, – кивнул я в ответ. – Куда идти нужно?

– А как выйдешь из двери, так налево и поверни. Там увидишь, – махнул рукой Корнев.

– Ещё раз спасибо, – кивнул я.

– Да иди уже, – хмыкнул хозяин дома в ответ.

Я открыл одну из подходных сумок и взял то, что было необходимо для помывки.

Баня оказалась неподалеку от дома. Возле небольшой избушки была вкопана в землю большая дубовая бочка. В ней темнела вода, даже на вид холодная, а уж какой она была на ощупь... Брр...

Толкнул дверь и вошел в небольшой предбанник. Сквозь маленькое окошко падал тусклый свет. На веревочках горделиво висели дубовые, березовые, даже можжевеловые веники. В воздухе парил необыкновенный аромат. Ожидание чего-то хорошего, очищающего наполнило тело, снова мурашки пробежали от ощущения скорой помывки.

Иногда такой малости хватает, как помыться в бане, чтобы почувствовать себя счастливым...

Сбросил пахнущую потом одежду, и на невысокой скамейке положил чистый джентльменский набор: трусы, майка, трико. Всё-таки мы были в пути, так что тут уже не до ароматов светских салонов.

Распахнул дверь в пышущее жаром банное помещение, навстречу рванули клубы горячего влажного пара. Первый вдох слегка ожег легкие. Влажный пар царил по всей маленькой парной, капельки пота сразу выступили на коже.

Присев на обжигающую скамью в парной, я вдыхал раскаленный воздух, чувствовал, как тело покидает усталость, и на её место приходит умиротворение. Спрессованные от долгой дороги мышцы понемногу расслаблялись.

Немного попривык к температуре, плеснул на несколько булжников, обложивших металлический дымоход. Зашипело, к потемневшему потолку взметнулись клубы пара, тут же жар хлестанул по горячему телу. Волна блаженства накрыла с головой, и я вытянулся на лавке. Нагретое дерево обожгло живот. Почти физически ощущал, как из меня выходит накопившаяся грязь. Довольно зажмурился. Прокатывались расслабляющие волны жара. Дышать можно через раз, зато прочистился нос.

Я успел даже попариться немного. Стало жарко, поэтому решил слегка охолонуться.

Выскочил, ухнул в большую бочку, а потом...

Как меня вынесло наружу? Похоже, что мышцы сами среагировали от соприкосновения с ледяной водой и просто выбросили тело наружу.

Я едва не задохнулся от такой перемены температур. Тут же бросился греться обратно.

Становилось всё горячее и горячее. Уши ещё не свернулись, но явно собирались это сделать в скором времени. Я же решил высидеть до «взрослого» пара. Показать мужчинам, что и я не лыком шит. И что могу потерпеть, если нужно.

В моём прошлом «взрослый» пар был действительно сильной штукой. И я бы мог высидеть, но вот новое тело подсказывало, что ему это в новинку. Что жарко для нового тела, что надо бы вылезать.

И вот когда уже я собрался было в последний раз окатиться водой из шайки, а после идти на попятную, чтобы не поймать «кондрашку», в этот момент дверь и открылась.

Пантелеймон Борисович и Артем Григорьевич соизволили пожаловать для омовения. Оба в шапочках, в легких голицах и с... еловыми вениками в руках.

Вот это и в самом деле было жестко...

– Всё-таки высидел, Борька? – усмехнулся Пантелеймон Борисович. – Показал мужикам свою стойкость и силу воли? А вот как насчет попариться? Или слабо?

Давно меня на «слабо» не ловили. И ведь если сейчас сдашься, то потом словишь только усмешки, мол, млад и глуп и не видал больших... Мда...

Тут нельзя отступить. В случае чего – скинут в ту же бочку, чтобы я пришел в себя.

Я только усмехнулся:

– Лучше березовым или дубовым! Может не надо еловым-то?

– Надо, Федя, надо! – спародировал Шурика из «Операции «БІ» Зинчуков. – Если дождался взрослых, то покажи себя на все сто! Держись теперь!

Я лег и прикусил нижнюю губу, чтобы сразу не заорать.

Хлясть, хлясть, хлясть...

С оттягом, с прихлестыванием, с нагнетанием пара.

Хлясть, хлясть, хлясть...

По всему телу бегут мириады иголок, кожа скрипит под ударами веток.

Хлясть, хлясть, хлясть...

Водопады воды, волны жара, запах ели... Расслабление пошло по телу, глаза сами собой закрылись, скамейка полетела в бездонное небо, а вместе с ней полетел и я...

– Да ты никак поплыл, милай? Совсем в душах да ваннах ослаб? Иди тогда в предбанник – хлебни кваску, да в избу ступай. Чайник поставь, а мы пока тоже попаримся. Да ладно, ладно, ты всё доказал! Уважаю, – сказал Пантелеймон Борисович.

После этих слов он плеснул широким ковшиком на камни, густой пар мощным кулаком ударил в потолок. На губах Зинчукова я увидел одобрительную улыбку, он исподтишка показал поднятый вверх большой палец.

В моей голове царила такая же пустота, как в бескрайнем синем небе. Слегка пошатываясь, я кое-как выбрался из парной. Теперь бы только не упасть. Только бы дойти. Осенний промозглый воздух приятно окутал распаренное тело – клубами повалил пар от красной кожи.

Банка с холодным квасом блестела возле чистой одежды. Я аккуратно поднял, чтоб не выскользнула из мокрых рук, отхлебнул ядерной воды. В голове появились далекие отзвуки мыслей, легкая музыка и пересвист канареек. За дверью раздавался хлест прутьев, и шипела подливаемая вода. Пусть их, завязтых банщиков, а я, пошатываясь, отправился в дом.

Чайник урчал на подпечнике сытым и обласканным котом. Я огляделся по сторонам, вытер капли пота. Ну, что же, можно считать, что наше знакомство с учителем состоялось.

Глава 6

В этот день нам так и не удалось толком поговорить. Пока мужчины напарились по-взрослому, пока вернулись, пока ужин, чай да шаньги...

Признаюсь – меня сморило. Я уже за столом начал клевать носом, сквозь вату в ушах слушаю неспешно текущую беседу двух старых знакомых.

Зинчуков обстоятельно выкладывал последние новости из столицы. Рассказал обо мне, что я за курсант такой необыкновенный и за какие заслуги меня приняли в "Гарпун". Многое из этого я слышал сквозь сон на теплых полатях, куда каким-то образом получилось забраться.

Давненько я не спал на теплых кирпичках. Прямо как привет из детства, где в пахнущем сухой глиной закутке снились чудесные сны. И вроде бы сейчас что-то снилось, но вот что? Со взрослением всё меньше получается видеть снов – проваливаешься в темноту и выныриваешь из неё. Вроде бы что-то снится, но под утро забываешь об этом.

Зато спозаранку меня разбудили истошные крики петуха за окном. Чуть позже послышался деревянный стук падающих поленьев. Похоже, что хозяин встал раньше петуха. Вот всегда уважал людей, которые поднимаются рано – они больше дел успевают сделать, пока другие дрыхнут.

Корнев отряхивал с рваной фуфайки приставшие щепки.

– Доброе утро, Пантелеймон Борисович, – высунулся я с полатей.

– Пойдем, сделаем утро добрее, – кивнул он мне в ответ.

– Сейчас, накину что-нибудь.

– Не надо. Так будет лучше.

Выйти на улицу в семейниках по колено? На улице ноябрь, ни разу не тепло. Но Корнев поджал губы, а это означало, что лучше его не злить. Всё-таки мы у него в гостях.

Возле колодца уже переминался с ноги на ногу Зинчуков. Он махал руками, пытался согреться. Холодный ветер категорически отказывал ему в этом. Неподалеку лежал Лорд, посматривая на нас грустными глазами. На краю колодца стояли три бадьи, словно вытасканные из сказки про Емелю и щуку.

Если это то, о чем я думаю, тогда холодный пронизывающий ветер покажется мне всего лишь ласковым летним ветерком.

– Ну что, Борис! – радостно окликнул меня Зинчуков. – Готов к труду и обороне?

– Всегда готов, – вскинул я руку в пионерском приветствии.

– Похвально, – кивнул Корнев. – Тогда начнем наше обучение.

Он скинул фуфайку, оставшись в одном нижнем белье. После этого начал разминку. Мы повторяли за ним. Это даже напомнило мне сцену из "Джентльменов удачи", вот только снега не хватало. Чтобы "Косой" подкрался к Василию Алибабаевичу с полными пригоршнями, а к нему подскочил Хмырь и грянула месть.

Как мне помнится, тогда Крамаров пытался саботировать эту сцену и не выходить на неё, но актер Муратов опоздал на съемки и в саботаже не участвовал. За что ему Крамаров и отомстил таким образом. Но Вицин не растерялся и тут же подхватил игру. В итоге появился незапланированный, но такой юморной эпизод с двумя дикими криками.

После взмахов руками, ногами, скруток и разогрева всего тела мужчины взялись за бадьи. Я тоже взял. Мне уже было понятно, что я не зря готовился к худшему. От тела шел пар, так что требовалось его остудить.

Хмыкнув, Пантелеймон Борисович скомандовал:

– Раз! Два! Три!

Три бадьи взмыли в воздух и на разогретые тела хлынули водопады ледяной воды. Я даже не закричал, чем вызвал уважительные взгляды Корнева и Зинчукова.

Уже спустя обтирания досуха и путь в дом, Корнев проговорил:

– Чем хорошо подобное утро? Тем, что после этого ты готов ко многому. Заодно закаляешься и бодрисься. Закаляющую процедуру рекомендую проводить с утра, чтобы тело взбодрилось и зарядилось положительной энергией. После внезапного соприкосновения с водой организм испытывает стресс, и в течение некоторого времени температура тела повышается до сорока градусов. За этот период уничтожаются болезнетворные микроорганизмы.

– А Борману ты до какого уровня поднял температуру? – хмыкнул Зинчуков как бы между прочим.

– Рейхсляйтера Мартина Бормана мы основательно подготовили ко встрече в аду. Конечно, по всем коммунистическим канонам рая и ада не существует, но если после смерти есть жаркое место, то этому мерзавцу там будет прохладно. Он целых два месяца испытывал на себе премудрости наших мастеров, прежде чем его сердце окончательно остановилось. Мне думается, что он предпочел бы смерть на Нюрбергском процессе, где был приговорен к повешению заочно, чем попадать к нам в руки... – ровным голосом ответил Корнев.

– А тело?

– А тело через месяцок обнаружат возле станции Лертер. Там как раз готовятся почтовый кабель проводить. С этим скотом ещё одного урода прикопали. Оберштурмбаннфюрера СС Штумпфеггера. Всё сделали согласно общей информации. Даже челюстями разбили ампулы с цианидом. И знаешь, ни грамма эту шваль не жалко. Можно сказать, что он ответил за всё. А также рассказал, где скрывается его вождь. Осталось только добраться до этой престарелой гниды. И я даже рад, что приложу свою руку к его ликвидации. Это просто как в сказку окунуться.

– Так Борман только недавно умер? – спросил я. – А как же...

– Нам нужна была победа и она должна была быть полной, молодой человек. Потому, согласно официальным данным, вся фашистская верхушка трусливо покончила с собой или же была повешена. Но это только согласно официальным данным. На самом же деле...

Во дворе басовито залаял Лорд.

Глава 7

Пантелеймон Борисович невольно бросил взгляд на висевшее на стене ружье. От меня не укрылся этот мимолежный взгляд. Однако, Лорд ещё раз твякнул, как будто для остротки, а потом смолк.

– Кто-то из знакомых, – выдохнул Корнев. – Вы пока накрывайте на стол, а я... Я схожу на разведку.

Он вышел. Зинчуков неторопливыми движениями оказался возле занавески, выглянул наружу и улыбнулся:

– Свои... Борь, поставь ещё один прибор на стол.

Вскоре к нам присоединился Вягилев. Он чуть осунулся, словно провел не одну бессонную ночь. Глаза впали, но поблескивали задорным светом. Возле уха чернела полоса, как от мазута. Похоже, что в пути была поломка машины.

– Ну что, слегка освоились? Я успел к завтраку? – спросил он, входя в кухню и протягивая руку для приветствия.

– Сперва руки бы с дороги помыл, – буркнул Корнев.

– Это да... После такого можно неделю руку в мыльном растворе держать, – хмыкнул Вягилев в ответ, но и в самом деле пошел к умывальнику.

– Встретился? Поговорил? – спросил Зинчуков.

– Поговорил. Темнит он что-то, но вот поймать не удалось. Похоже, что с ним тоже хорошо поработали, – ответил Вягилев.

– Это вы про кого? – спросил я.

– Про Мартина-Адольфа Бормана, старшего сына Мартина Бормана. Правда, от Адольфа он отказался после сорок пятого, но полное имя звучит именно так, – ответил Вягилев.

– Он ездил в Хердекке, – пояснил Зинчуков. – До нас дошла информация, что Мартин Борман-младший сложил с себя сан священника. Причиной называлось плохое здоровье, вот наш общий друг и съездил, чтобы лично убедиться в подобном.

– И что? – спросил я. – Какие выводы?

– Да какие выводы... – вздохнул Вягилев и сверкнул глазами на стол. – Я бы поесть не отказался. Если хочешь посмотреть, то в папке наш разговор. Я записал с его слов почти дословно.

Моё любопытство не знало предела. Всё-таки это был разговор с тем, кто считался сыном нациста номер два в фашисткой Германии. Не знаю, что я хотел там увидеть, но...

Папка содержала фотографии, с которых смотрел тот, чье лицо частенько можно было увидеть рядом с фюрером на черно-белых исторических снимках. Также было несколько листов с текстом. Я вчитался...

"Когда я был священником, мне приходилось выслушивать разные исповеди. Один раз пришёл бывший солдат вермахта. Он рассказал, что во время Варшавского восстания они „защищали“ бункеры: из одного такого убежища внезапно выскочила и бросилась бежать шестилетняя девочка, но споткнулась и упала прямо перед ним. „Ткни эту тварь штыком!“ – сказал обер-лейтенант, и солдат убил девочку. Её карие глаза, обращённые к нему с мольбой, он помнил 25 лет. Не завёл своих детей, не мог видеть чужих и смотреть им в глаза. Он был у меня на исповеди и сказал: „Бог не простит меня. Единственное, что я хочу: как можно больше мучиться в аду за то, что сделал“. Я не знал, что сказать ему. Через неделю этот человек повесился"

Я вздохнул. Доля священнослужителей такая – выслушивать грязь человеческих поступков и деяний.

"Я каждый день молюсь за души миллионов, погибших по вине моего отца, – евреев, русских, поляков"

Вот его отец вряд ли бы молился за подобное. Для нациста номер два это были нации с грязной кровью.

"Я видел фюрера на Рождество 41-го года. Он собрал вокруг себя детей для группового фото – ведь все диктаторы обожают фотографироваться с детьми. Принёс какао, пироженные и сладости. Но это всё фальшь – меня уже тогда удивило, что Гитлер не питал никаких чувств к детям и был к ним безразличен. В 1943 г. я спросил отца, что такое национал-социализм. Отец ответил коротко: „Это исполнение желаний фюрера“. Может, он и не верил в Бога, потому что его богом был Адольф Гитлер. Отец отрицал религию в любом виде. Один раз сестра, играя, надела на лоб повязку, на которой был крест, и побежала к отцу... Я никогда не видел его в такой ярости. Он закричал страшным голосом: „Немедленно снимите это!“ То, что я стал священником, в его глазах было бы предательством"

Мда, такое почитание до добра не доводит. Неужели это была полная одержимость? Одержимость настолько, что терялся полностью человеческий облик? Что уходило прочь сострадание, жалость? Была только цель и эта цель – уничтожение и подчинение?

А Мартина, в сущности, спас секретарь его отца: во-первых, крепко отругав за желание умереть и, во-вторых, снабдив фальшивыми документами на имя Мартина Бергмана. Но есть ещё и в-третьих: Борман-младший уверен, что у секретаря его отца имелась радиограмма рейхсляйтера, согласно которой мать должна была поступить точно так же, как поступила Магда: убить себя и детей, чтобы они не попали в руки победителей. Но, видимо, в горах Австрии всё же была несколько иная атмосфера, чем в берлинском бункере, и секретарь послушался приказа своего начальника.

Недалеко от Зальцбурга, в верующей крестьянской семье, и началось для Мартина его собственное перерождение:

"Меня удивило, что в семье этого крестьянина молятся даже на ночь и перед едой. Они никогда не говорили, как любят Господа, но всегда старались жить по заповедям Священного Писания, и меня поражало, как они крепки в своей вере. И в один прекрасный день я сказал: «Я хочу больше узнать о Боге». Крестьянин ответил: тогда иди в церковь. Я ходил каждое воскресенье – пешком за 15 километров. Дальнейшее произошло само собой. Я увидел фото в газетах – из концлагеря Берген-Бельзен. Штабеля трупов, в том числе и детей, газовые печи... Я пришёл в ужас, я пытался убедить себя, что Гитлер и отец были не в курсе таких вещей. Но потом я узнал, что всё это творилось по их приказам и с их ведома. И укрепился в желании стать священником, чтобы молиться за грехи моего отца и за тех, кто погиб из-за него. Всего за год жизни в этой деревне мой разум переменялся полностью..."

Да уж, когда смотришь на фотографии военных лет, то мозг отказывается принимать это. Кажется, что это страшные декорации фильма ужасов. Что не может человек совершить такое. Но нет... может...

и делает...

"Я хотел, чтобы Господь послал мне испытания. Во время гражданской войны в Конго меня и других миссионеров повстанцы взяли в заложники и гнали босиком по щербно 14 километров, в кровь избивая хлыстами. Я понял, что пришёл конец, – вот оно, наказание за грехи моего отца. И я молился Богу, чтобы он принял мою душу... Три дня мы просидели в болотной жиже под прицелами автоматов, теряя сознание от боли. Но пришли тысячи крестьян, сказавших, что мы „хорошие люди“, и нас не расстреляли. Потом ещё два раза нас похищали и требовали выкуп. Жизнь священника – не отпуск"

Похоже, что сын испытал то, что его отец делал с другими. Оказался в жерле войны. Понял, насколько это жестоко и всегда несправедливо.

"С нами были сотрудники партийной канцелярии в Мюнхене – они зарядили парабеллум и передавали его по кругу: один из офицеров спокойно брал пистолет, приставлял к виску и стрелялся, после чего оружие поднимал его сосед – так покончили жизнь самоубийством восемь человек. Мой школьный друг упал ко мне в объятия, мы рыдали и решили убить друг друга, чтобы не попасть в руки русских, но офицер СС не дал нам оружие..."

Побег от возмездия. Нежелание сдать в руки тех, кого хотели поработить и растоптать. И всё это было преподнесено с таким пафосом...

"Я всегда хотел извиниться перед советским народом за всё, что сотворили нацисты с мирными жителями СССР"

В моем мире говорили, что сын за отца не ответчик. Даже Сталин на встрече с "передовыми комбайнерами и комбайнерками" сказал, что "Сын за отца не отвечает!", когда один из комбайнеров выступил с речью о том, что он сам сын кулака, но работает не жалея души и сердца на благо трудового народа.

– Так может быть он и в самом деле так считает? – спросил я, откладывая папку в сторону.

– Может быть и считает. Однако, нужно всё-таки установить за ним слежку. Наш человек уже начал разработку. Если возникнут какие-нибудь подозрительные контакты, тогда мы узнаем об этом одни из первых. Посмотрим, как он среагирует на то, что найдут труп его отца...

– спокойно ответил Вягилев, поглощая овсяную кашу.

Глава 8

Сергей Борисович Вягилев и Артем Григорьевич Зинчуков пробыли у Пантелеймона Борисовича Корнева целых три дня. После этого они укатили по делам в большой мир.

Я же с хозяином дома остался зимовать. Меня предполагалось забрать через месяц. До этого времени я должен был получить достаточную подготовку к дальнейшим действиям.

Всю прошедшую неделю мы занимались документами, сводками, донесениями в разведку. Кто-то кропотливо всё это скопировал с настоящих документов, а потом любезно предоставил Вягилеву. Он не стал распространяться о своих планах относительно продолжения поисков главного монстра двадцатого века, но сказал, чтобы я всё изучил досконально.

И я изучал. Ещё как изучал. С утра разминка, обливание и завтрак, а потом до обеда штудирование документов. Так как большинство из них были написаны на немецком языке, то мне приходилось ещё постоянно сверяться со словарем. Перерыв на обед и снова склонялся над бумагами. И так до ужина. После ужина снова документы...

Достаточно утомительное задание, скажу я вам, уважаемые читатели. Тело затекало, глаза слезились, плечи с хрустом разминались. И всё это в то время, когда молодость брала своё. Когда хотелось приключений, радости и смеха.

Нет, всё-таки в курсантах было веселее. Там хоть такие же погодки, каким был Семён Епифанов, а сейчас... Сейчас я остался один на один с суровым человеком, который с утра до вечера заставляет копать в документах тридцатилетней давности.

Поэтому для меня вырваться на свободу – сходить в магазин было лучшей наградой. Прогуляться в окружении гор, поздороваться с редкими встречными, поболтать с миловидной продавщицей... Ммм, сказка! Тем более, что и продавщица Алиса была не прочь поговорить с городским мальчишкой. Пусть и не красавцем писанным, зато обходительным и вежливым.

Смуглая, словно загорелая кожа, волосы чернее угля, узкий разрез глаз, пухлые губы, а фигура... Закачаешься. В свои тридцать лет она считалась местной красавицей. Вот только доля выпала незавидная, вдовья – муж на охоте сорвался со скалы. Осталась одна с дочкой. Всю себя посвятила воспитанию ребенка. Другие мужчины получали на ухаживания мягкий отказ. Алиса говорила, что им и с дочкой хорошо...

Я не лез напролом, просто приятно было пообщаться хоть ещё с кем-то, кроме Корнева и Лорда. Тем более перекинуться шуткой-прибауткой.

В один из вечеров Пантелеймон Борисович неожиданно хватился спичек. Вроде бы такой запасливый человек, а вот спички кончились. Копеечное дело, но... Выходить на улицу ему не хотелось, а печку топить было нужно. Да и хлеб как раз подошел к концу. Тут я и предложил ему свои услуги – до чертиков надоело корпеть над документами. Разбирать зверства фашистов и распутывать ниточки злодеяний – это та ещё задача. Любое отвлечение считается как даром небес.

Корнев согласился. Ещё составил список покупок, которые тоже надо взять. Заодно. Ну, мне не сложно, а прогуляться по морозцу, подышать свежим воздухом и развеять голову... Да что может быть лучше для молодого организма, который весь день провел за столом?

Да, морозец крепчал. Погода не прогулочная, но всё равно хорошо! Снег успел лечь на землю, так что теперь при уличном освещении можно было гулять как днем. Снег хорошо умеет скрадывать черноту ветвей без листьев и унылые дровники, украшая их белесыми навесами.

Поселковый магазин ещё работал. Да, время подходило к закрытию, но я успевал. На подходе к магазину услышал женский крик. Ноги сразу же придали скорости телу. Забежав в теплое помещение, увидел такую картину: какой-то небритый мужчина схватил через прилавок Алису за воротник. Ещё двое мужчин стояли чуть поодаль, щерясь прокуренными зубами.

Тут либо рэкет, либо ухаживания. Ни то, ни другое совершенно точно было не по нраву Алисе.

– Отпусти девушку! – скомандовал я. – И вали отсюда!

– Чо? Какая-то срань мне будет указывать? – сплюнул мужчина. – Да ты не ох..л часом? Сам с..бись, пока в памяти! А ты чо уставилась? Давай водяру, я тебе говорю! И вон шпроты ещё... Да отдам я потом, не ссы! Давай!

Он ещё раз встряхнул Алису. Та испуганно смотрела на меня.

Двое остальных мужиков ухмылялись, посматривая на меня. Как им виделось, я сейчас должен поджать хвост, извиниться, а потом... А потом бы они меня догнали и ещё бы по башке наступали, заодно освободив карманы от ненужной по их мнению мелочи.

Уйти сейчас означало бы показать себя полным дерьмом. Нет, она бы поняла, что я один против троих нетрезвых мужчин...

Но тогда не понял бы я! Это что же за херня получается? Что вот так вот можно взять и запугать человека? Да ещё и ограбить вдобавок?

Если это один раз сойдет с рук, то в следующий раз может случиться что-нибудь похуже. Нет, такое надо пресекать сразу!

– Грабли убери, хмырь лохматый! – гаркнул я. – Если мужик, то не хрен женщину трясти! Давай раз-на-раз выйдем? Или только со слабыми себя героем чувствуешь?

– Не надо, Борис! – воскликнула Алиса. – Я сейчас милицию вызову...

– Кого ты вызовешь, сучка? – цыкнул мужчина и толкнул Алису назад так, что она ударилась о полки.

На пол посыпались консервы, пакеты с макаронами «калибра 7.62», упаковки соли.

Я дернулся было вперед, но мой путь преградили двое дружков засранца. Если сейчас начать драку, то можно половину магазина разнести. Тут же ещё и виноватым останешься...

– Ты ..ево слышишь? Тебе же по-хорошему сказали – ..бись в туман! – просипел один из дружков.

На руке у зачинщика я увидел синие выколотые перстни. Сидевший? Вроде бы по возрасту не положено придуряться и рисовать ручкой на пальцах всякое-разное. А таких легко зацепить и выманить намеком на принадлежность к низшей касте.

– Ну что, выйдем? Или ты, как опущенный, будешь за спинами друзей прятаться?

– Чо ты сказал? – выкрик показал, что я попал точно в цель. – Давай на улицу, гнида! Слышь, сучка, сейчас я твоему ..барю ноги сломаю, а потом к тебе вернусь. И не дай Бог кому позвонишь – спалю магазин к ..ям!

Он сплюнул и двинулся к выходу. Его дружки тоже пошли к выходу.

Ну что же, своей цели я добился. Осталось только преподать урок трем небритым личностям, которые встали на преступную дорогу. И желательно урок сделать таким, чтобы потом было неповадно повторять.

Я вышел под фонарь. Тут и снег более притоптан, и света достаточно, чтобы показать картину в будущем.

– Слышь, козлина, ты с кем знаешься? – спросил мужик, который недавно держал Алису за воротник. – Чо борзый какой?

– Не козлина, а Борис Петрович! Советую запомнить это имя, если осталось чем запоминать! – ответил я. – Мы сюда не базарить пришли, а воспитанием заниматься. Так что урок первый – девочек бить нельзя!

– Да он вообще на всю голову ушибленный! – хохотнул сиплый. – Гудрон, вправь ему шарики за ролики.

Тот, кого называли Гудроном, двинулся на меня. Он подошел на пару метров и прыгнул вперед, целясь мне в челюсть. Я тут же присел и ударил по коленной чашечке, выбивая её. Когда боль добралась до мозга Гудрона, то заставила его открыть пасть в крике.

Как нельзя лучше! Я ухватил за нижнюю челюсть и что было силы рванул вниз. Голова Гудрона встретилась с наледью дороги как по расписанию.

– Ты чо, ссука?! – заорал сиплый, бросаясь ко мне на защиту друга.

Ну да, на драку один-на-один я не рассчитывал. Прыжком оказался возле сиплого и локтем поправил нос. Брызнула кровь. На снегу появились пятна.

Тоже хорошо, чем больше крови, тем лучше пройдет воспитание.

Сиплый отскочил, зажимая окровавленную рожу.

– Второй урок – нельзя нападать на одного кучей, – наставительно проговорил я.

– Ты чо? Ты совсем ..ел? – проговорил третий.

Он поднял валяющуюся рядом штакетину и махнул ей, как шестом. Я пригнулся, крутанулся вокруг своей оси и с разворота вlepил ему в ухо. Он пошатнулся, но удержался.

– Урок третий: ругаться перед женщинами и детьми нехорошо! – после этого ударом в челюсть свалил третьего.

Сделал всё аккуратно, но больно. Чтобы поняли – я не шучу. Если бы были мозги, то поняли сразу, что со мной связываться не стоит. Но, последующая драка показала, что мозгов не было.

Гудрон взревел и, вскочив, обхватил меня за руки сзади. Вернее, я позволил ему это сделать.

– Давай, вали его, Сипарь! – крикнул он.

Сиплый с разбитым носом тут же подхватился и прыгнул к нам. Но я не стал ждать его приближения. Локтем зарядил в челюсть стоящего позади Гудрона, а Сипаря ударил в колено. Когда он начал падать, то добавил ногой. Чтобы к разбитому носу добавился окровавленный рот.

Пусть порисует на снегу.

Гудрон толкнул меня в спину. Я поскользнулся и кувыркнулся вперед, но сразу же поднялся. Под ногой хрустнула штакетина. Не такое уж это хорошее оружие, если бы меня им огрели, то переломилось бы пополам. Вот как сейчас...

– Ну, сука, сейчас я тебя попишу! – выкрикнул Гудрон.

Из его руки щелчком вылетело лезвие ножа.

– Четвертый урок – нельзя на безоружного нападать с ножом, – проговорил я, чуть приседая.

– Да завали ты ..ало, учитель ..ев!!! – проорал Гудрон, прыгая вперед.

Зря он так. Я подхватил валяющийся под ногами кусок штакетин и снова вмазал по тому месту, куда бил недавно – по колену. На этот раз штакетина не сломалась! После этого полученное полено с размаху прилетело в рожу упавшего Гудрона. Несмертельно, но кроваво... Нож от удара отлетел куда-то к забору.

Я шагнул было к третьему, когда тот со всех ног дернул вдоль по улице. Недалеко убежал – прилетевшее полено по-родственному приложилось по башке. Он рухнул, распластавшись на снегу в форме морской звезды.

Ну что же, поле битвы осталось за мной. Из всех троих только Гудрон был в сознании. Он что-то пытался произнести, шевелил разбитыми губами.

Я неторопливо прошелся до убежавшего, проверил его пульс. Живой. Сиплый тоже дышал, украшая улицу кровавыми пятнами.

– Я тебя найду... Я тебя найду, сука, – проговорил Гудрон, приподнимаясь на локте. – Я тебя завалю!

– Я сам могу тебя сейчас завалить. И больше чем уверен, что люди поселка вздохнут свободно. Но я этого делать не буду. Просто запомни – сейчас я тебя отпускаю, но потом если вдруг узнаю, что ты кого-то обидел... Если что-то плохое случится с магазином Алисы, или с

ней самой... Я приду за тобой. И в следующий раз я не буду таким добрым. А это тебе, чтобы не забывал, – я взял Гудрона за средний палец и резко рванул его в сторону.

Раздался еле слышный треск. Гудрон взвыл от боли, засучил ногами. В чувство его привела оплеуха.

– Слушай сюда! Забирай своих дружков, и чтобы я вас тут больше не видел! Всё понял?

– Я тебя всё равно...

– Ещё один палец сломать?

Гудрон тут же заткнулся, зло зыркнул на меня и начал привставать. Покачиваясь, он двинулся к лежащему Сипарю. Я же неторопливо двинулся в сторону магазина.

Эти сволочи любят, когда их боятся. Однако, они сами страшатся вида своей крови. Не любят они, когда им делают бо-бо. Поэтому и следовало пустить как можно больше юшки, но не убивать...

Не хватало мне ещё статьи за убийство. Замучаешься потом отмазываться.

– Что там, Борь? – спросила Алиса, когда я появился на пороге, отряхиваясь от налипшего на штаны снега.

– Да так... поговорили о том, о сём. Выучили несколько полезных уроков... С тобой всё в порядке?

– Со мной да. Они днем приходили. Праздновали освобождение Кольки Гудронова. Купили водки, закуски. А после пришли за добавкой... Хотели взять без денег...

– Ну, в следующий раз такое уже не повторится. Алис, не переживай, они всё поняли. Теперь будут ниже воды, тише травы, – подмигнул я ей. – Спички и хлеб у тебя найдутся?

– Найдутся? – кивнула она.

– Тогда ещё сгущенки и тушенки. Меня Пантелеймон Борисович напряг всё это купить, – улыбнулся я как можно более успокаивающе. – Да не дрожи ты так, всё уже прошло.

– Всё прошло, а коленки до сих пор подрагивают. Борь, ты... ты проводишь меня? – спросила Алиса негромко.

Глава 9

Всё-таки чтобы вы не говорили, уважаемые читатели, но молодое тело, природные инстинкты и половое влечение дают о себе знать. Как бы я не занимался, сколько бы не разгребал документы, но порой мысли о женском теле посещали голову. Да и утреннее пробуждение заставляло стыдливо прикрывать пах до похода в туалет.

Пантелеймон Борисович только посмеивался, глядя на моё смущение. Я же разводил руками, мол, ни хрена с инстинктами не поделаешь. Тело хотело женского тепла и ласки. Хотело и точка.

Поэтому я без колебаний согласился проводить Алису до дома. Будет там что-то или не будет, но даже одна надежда уже заставляла бурлить кровь.

– Я тогда сейчас покупки до Пантелеймона Борисовича донесу, – ответил я Алисе. – Скажусь ему, что немного погуляю, чтобы не переживал старик.

Старик и так бы не переживал, но всё-таки из приличия следовало его предупредить о моей небольшой прогулке.

– Хорошо, я как раз через полчаса закрываюсь, – сказала Алиса.

Её щеки покраснели, как будто кровь бросилась в лицо. Может, переживала из-за тех чертей?

– Не бойся, они сегодня уже не вернуться.

– Да? Ну я и не боюсь, – ответила она. – Мне почему-то теперь уже не страшно.

– Тогда не прощаюсь. Скоро вернусь, – ответил я, кивнул и вышел.

На улице уже не было никого из троицы. Только пятна на грязном снегу намекали на недавнее побоище.

Я поторопился к дому Корнева. Долетел за пять минут. Он удивленно уставился на меня, вопрежнему и взлохмаченного:

– Ого, кто-то сегодня настроился на бурную ночь?

Я едва не икнул. Поставил авоську с продуктами на стол и спросил:

– Это с чего вы взяли?

– Да по глазам вижу. Что же... Тебе требуется разрядка, Борис. Как раз после неё мы и начнем заниматься серьезным делом. Чтобы тебя не отвлекали посторонние мысли. Только об одном прошу... Не ездь по ушам Алиске, она хорошая баба. Не обманывай, что замуж возьмёшь и всё будет в шоколаде. Всей правды не говори, но и обманывать не смей. Просто приехал на стажировку к старому Корневу и вскоре уедешь. Срастется, так срастется, а нет – не стоит жить с чувством вины. Оно нам помешать может.

– Чему помешать может? – нахмурился я.

Я не сразу понял, что именно он имел в виду, говоря о моих глазах. Понял уже на следующий день, как и обещал Корнев.

– А вот завтра и увидишь. Сейчас давай, хоть подушись немного. И чепуху под носом сбрей, а то сопля замерзнут...

Я только хмыкнул и быстро приступил к прихорашиванию. На всё про всё ушло десять минут. Ещё десять на обратный путь, поэтому я как раз успел к закрытию.

Когда я вошел, то Алиса приветливо улыбнулась:

– Во как ты быстро обернулся. Спасибо, что согласился проводить.

– Да ладно, отчего не помочь девушке, – улыбнулся я в ответ. – Да и проветриться лишний раз не мешает. А то всё стажируюсь и стажируюсь у Корнева. Уже весь прокиснуть успел.

– Да? Тогда подожди немного. Я сейчас закрою магазин и выйду с черного хода, – ответила Алиса.

– А ты одна закрываешь? А как же грузчики или какие другие помощники?

– Да Сережка пораньше отпросился. Он вроде всё расставил, вот на гулянку и убежал. А мне что? Мне не впервой самой магазин закрывать.

Эх, какое же доверчивое время... И двери домов не закрывались на засовы, и магазины закрывала одна-единственная женщина. Люди добрее были, что ли... И как это время потом изменили девяностые, когда люди озлобились и снова вспомнили про засовы и охрану.

Мы с Алисой неторопливо пошли по главной улице. Нужно было что-то говорить, чтобы не выглядеть дурнем, но вот что? Как-то не решался я скатываться на болтовню о чем-то легкомысленном. Всё-таки Алиса ждала от меня большего, чем просто езда по ушам.

– Вечер сегодня хороший, – сказал я, поднимая глаза на небо. – Вон и звезды видно. Правда, не вспомню, какие из них как называются...

– Если звезды видно, то завтра морозец может ударить, – ответила Алиса. – У нас всегда ясное ночное небо к морозу...

Она поскользнулась и взмахнула руками. Я тут же удержал её от падения.

– Ох ты, чуть не растянулась... Вот же неуклюжая...

– А ты держись за локоть, так надежнее.

– Ой, да ну, увидят же, – отмахнулась было Алиса, но за руку всё-таки взяла.

– Да не увидит никто. Сейчас все возле телевизоров. Кому захочется на улицу нос показывать?

Так, болтая ни о чем, мы прошли около километра. Остановились возле крепкого дома.

– Вот мы и пришли, – сказала Алиса и замолчала.

Понятно, что дальше будет неловкость и смущение. Всё-таки она считала себя чуть ли не в два раза старше меня. Не буду же я говорить, что на самом-то деле сидящий внутри мальчишеского тела майор Ерин чуть ли не в два раза старше её.

– Хороший дом, – сказал я. – Добротный.

– Он такой не только снаружи, но ещё и изнутри, – ответила Алиса, чуть помолчала, а потом произнесла. – Может, зайдешь? Могу чаем напоить...

– Да как-то неудобно. Я же твоей дочке и шоколадку не купил. Как-то без подарка... – замялся было я.

– Оленька у бабушки, – опустила глаза Алиса. – Мама попросила оставить её на денек.

Удача? Совпадение?

Или позвонила пока меня не было, чтобы не смущать?

В любом случае, это сыграло мне на руку:

– Да? Тогда в следующий раз передам шоколадку. В следующий раз и познакомимся. А сейчас... Можно и чай.

Мы прошли в дом. Изба и в самом деле была крепкой как снаружи, так и изнутри. Отсутствие мужской руки никак не сказывалось на внутреннем убранстве. Всё было приколочено и прикручено. Похоже, что Алиса и в самом деле научилась со всем справляться без мужчины.

Ну, или почти со всем.

Она поставила чайник на плиту, а сама упорхнула привести себя в порядок. Вышла к столу уже в другом платье и с небольшим количеством косметики на лице. К этому времени как раз чайник бодро засвистел, приглашая к душевному разговору. Пряники и печенье украсили стол. Конфеты «Подольчанка» смешались с «Мишкой на севере», с горкой насыпанные в хрустальную салатницу.

Дальше был чай и неловкая беседа. Такие же неловкие касания над столом и вот как-то само собой получилось, что когда я вызвался убирать посуду, мы оказались рядом.

Тут уже я не стал ломать ваньку, а полуобнял Алису за талию и заглянул ей в глаза. Она вроде бы сначала уперлась ладошками мне в грудь, но потом... Когда я привлек её чуть ближе и наше дыхание слилось в одно общее...

Алиса обняла меня за шею. Я поцеловал чуть обветренные губы, и она мне ответила. Дальше мы каким-то образом переместились в горницу. Я жадно исследовал тело девушки, спутницы в мир тайных страстей и горячих фантазий.

– Боря, не останавливайся, – шептала Алиса, наблюдая за мной из-за полуопущенных век.

Луна стыдливо заглядывала в небольшое окно. Её тусклого света хватало, чтобы увидеть постепенно обнажающееся тело. Я расстегнул молнию платья на спине и медленно потянул ткань вниз, покрывая поцелуями каждый сантиметр нежной кожи. От Алисы пахло лилиями. Запах духов смешивался с легким оттенком пота, и я могу с твердой уверенностью сказать, что если есть на свете феромоны, то они пахнут именно так.

Платье сползло до области декольте и зацепилось за рюшечки светлого бюстгалтера. Я провел рукой по шелковистой коже спины. С удовлетворением почувствовал кончиками пальцев, как по телу девушки пробежала страстная волна, и аккуратно расстегнул бюстгалтер. Горячее дыхание Алисы опалило волосы на макушке, я губами и кончиком языка прошелся по ложбинке между грудей.

Её пальцы забрались в мои волосы и поглаживали их, пока я путешествовал языком и губами по откликающемуся на ласку телу. В какой-то момент Алиса со стоном запрокинула голову назад, спина судорожно выгнулась, и блеснувшая заколка сорвалась с прически. Целый водопад волос обрушился на плечи, спину. Я ощутил, как по тыльным сторонам ладони скользнули мягкие и гладкие пряди. Девушка прерывисто дышала, и сквозь дыхание прорывались тихие стоны, когда к моим губам и языку присоединились руки.

Платье соскользнуло до бедер и сделало девушку похожей на статую Венеры Милосской.

– Как ты красива, – прошептал я восхищенно.

Теплые руки скользнули по воротнику рубашки, и пуговицы одна за другой сдавали свои позиции, когда Алиса приблизила лицо к моей груди. Жаркое дыхание прошлось по коже и от этого невольно побежали мурашки. Гусиная кожа тут же пропала, когда Алиса начала целовать и покусывать острыми зубками. Её рука скользнула на мой пах, и сероватые глаза расширились, когда она ощутила напрягшийся предмет.

В паху готова взорваться атомная бомба – так сильно туда рванула кровь. Я наблюдал, как девушка распахнула полы рубашки, ловким движением отщелкнула пряжку ремня. Вжикнул бегунок на молнии и...

Сколько прошло времени? Час, ночь, век? Я не знаю, я растворился в сладострастном мучении, раз за разом вступая в борьбу за удовольствие.

В сказках говорится «долго ли, коротко ли», но у нас не сказка и прошла целая вечность, пока я не упал рядом с бурно дышащей девушкой.

– Боже мой, пять раз! Ты просто зверь какой-то, – прошептала Алиса, когда справилась с буйным дыханием.

Я почувствовал небольшую гордость за себя. Ласковые пальчики игриво перебирали волосяную поросль на площадке живота. Капельки пота поблескивали на потной коже, легкий поток воздуха из-под двери охлаждал разгоряченные тела.

– Сам не знаю, что случилось – устал, наверное, – вспомнил я шутку из какой-то комедии. – Вот сейчас отдохну и снова приступлю.

– Не-е-ет, зверрррюга, – мурлыкнула девушка, соблазнительно потягиваясь так, что коричнево-розовый сосок левой груди оказался около моего лица. – Хорошо-то как, легко...

Я не мог отказать себе в удовольствии и слегка прикусил выпирающую земляничку. Легкая судорога заставила выгнуться упругое тело, и девушка крепче прижалась ко мне. Внизу живота снова ноет, и я почти вижу, как горячая кровь кинулась вниз. Алиса бедром почувствовала неладное, кинула взгляд вниз и отодвинулась от меня подальше.

– Ну и в самом деле зверюга. Давай хотя бы немного поспим, а то я завтра на работе просто стоять не смогу.

– Так возьми выходной?

– Не могу, – вздохнула она. – Сменщица заболела. А так... Я бы с радостью... Но нет, давай всё-таки немного поспим...

– Ну что же, отбой так отбой, – хмыкнул я. – Но учти, я рано встаю.

– Да? Ты ещё и утром хочешь меня разбудить? – Алиса поцеловала меня.

– А вот увидишь... – ответил я на поцелуй.

И ведь не обманул. Утром всё-таки разбудил её, сонную, мягкую. Разбудил не очень обычным способом, но Алиса и не противилась.

Глава 10

Первой фразой, которой меня встретил Пателеймон Борисович была:

– Вот только не надо так счастливо щериться. И так всё ясно с тобой.

– Да я и не щерюсь, – хмыкнул я в ответ.

– Ну да, а то я не вижу. Ладно, садись завтракать и начнем наше дальнейшее обучение.

– Спасибо, но я уже позавтракал. Так что могу снова садиться за документы.

– Садиться за документы, – проворчал Корнев. – Ответь мне вот на что – ты хоть помнишь о чем были эти самые документы?

Я недоуменно посмотрел на него. Что за вопросы? Конечно же я не помнил самые первые, но вот последние... Впрочем, и последние слились воедино, в один большой клубок цифр, дат, названий, имен и фамилий. Сказать что-либо конкретное я вряд ли мог. Это как читатель, который читает десять книг одновременно, может вспомнить, что Саурон не зря надавал шелбанов Буратино, когда Маугли украл у него кораллы.

– Понятно, не помнишь, – кивнул Корнев, отпивая чай. – Тогда начну издалека. Как раз под завтрак всё успеется. В общем и целом наша группа "Гарпун" имеет под собой вполне реальные корни. После установления советской власти правительство озаботилось проблемой шифровки оперативных сообщений. Постановлением Совнаркома был создан специальный криптографический отдел при ВЧК под руководством Глеба Бокия.

После этих слов Пантелеймон Борисович ещё раз отхлебнул из кружки и отправил в рот половинку бутерброда. Он всегда нарезал батон, а потом дробил отрезанные куски на три части. Говорил, что осталась привычка искать отравленные иглы. Я не совсем понимал его, но переспрашивать не хотелось. Резал и резал. Сверху небольших обрубков клал кусочки масла, а потом колбасу. Чай, овсяная каша и бутерброды – вот и весь завтрак, который позволял себе Корнев.

Я ждал, пока он прожует. Чтобы чем-то занять свои руки, тоже налил душистого травяного настоя.

– На деле же криптографический отдел стал заниматься вопросами самого широкого профиля, включая различные паранормальные феномены – например, телепатию, гипноз, психоэнергетическое воздействие. Ведь все это можно было использовать в государственных целях. Так в недрах отдела возникла секретная лаборатория нейроэнергетики.

– Это что-то с мозгом связано? – спросил я, когда Корнев снова отхлебнул чай.

– Совершенно верно, – кивнул он в ответ. – Не самую последнюю роль в работе лаборатории играл ученый и знаток оккультизма Александр Барченко. Ему поручили даже возглавить несколько экспедиций (на Кольский полуостров, на Тибет) с целью получения оккультных знаний и исследования возможностей их практического применения.

Конечно же я слышал про Шамбалу и другие тибетские премудрости, которыми заманивали легковерных туристов. Во времена желтых газет подобные вещи очень сильно занимали умы людей и газетные полосы.

– Но впоследствии власти, видимо, решили, что руководители «оккультного» отдела слишком много знают и могут быть опасны. Барченко и Бокия арестовали в мае тридцать седьмого года, обвинив в... создании масонской организации. При аресте у Барченко были изъяты все его научные рукописи, включая его основную работу «Введение в методику экспериментальных воздействий энергополя». Двадцать пятого апреля тридцать восьмого года исследователя расстреляли, как и его шефа Глеба Бокия. Что же касается спецотдела, то вскоре он был ликвидирован.

– Спецотдел ликвидировали? – спросил я.

– Ликвидировали, – опустил веки Пантелеймон Борисович. – Однако, параллельно этому отделу существовал ещё один спецотдел. Мало кто знает, что при службе госбезопасности действовала секретная токсикологическая лаборатория. В ней разрабатывались и испытывались отравляющие и психотропные вещества, в том числе для специальных операций. Лаборатория была создана в тридцать пятом году по указанию наркома Ягоды при спецгруппе особого назначения, находившейся в подчинении у НКВД. Она входила в состав Отдела оперативной техники, где, в свою очередь, имелись токсикологическое и бактериологическое отделения, возглавляемые соответственно Майрановским и Муромцевым. Впоследствии отдел пережил несколько реорганизаций, но суть его деятельности оставалась прежней. Научная лаборатория при отделе значилась в официальных документах как «Лаборатория Икс».

– Они занимались биологическим оружием?

– Не только... Опыты, как заявил позднее Майрановский, который в 50-е годы попал под следствие по делу Берии, проводились на живых людях – заключенных, приговоренных к высшей мере наказания. Также группу Майрановского привлекали для ликвидации неугодных правительству лиц. Разрабатывалась в лаборатории и так называемая «сыворотка правды», с помощью которой у людей выуживали необходимую информацию. Препараты подмешивали в пищу и питье, делали подопытным инъекции, смачивали раствором кожу, а иногда стреляли в жертв отравленными пулями... Отдел был расформирован осенью пятидесятого года, на его базе были созданы другие структуры, имеющие отношение к разведдеятельности.

– Одной из этих структур как раз и является "Гарпун"? – спросил я.

– Совершенно верно. И кроме разведки и добывания сведений, а также устранения нежелательных элементов, мы занимаемся и гипнозом. Ведь если нам противостоят подобные личности, то нужно быть во всеоружии. Тот же Живов или твой Орлов...

– Он вовсе не мой, – покачал я головой.

– Хорошо, не твой, – со вздохом произнес Корнев. – Кстати, а как ты сам думаешь – ты подвержен гипнозу?

Подвержен ли я гипнозу? Вроде бы никогда с таким не сталкивался. Если брать время, когда Кашпировский водил руками перед камерами, а Алан Чумак заряжал воду доверчивых граждан через экран телевизора, то на меня эти клоуны не производили ни малейшего впечатления.

– Вроде бы не был замечен.

– Не был, – хмыкнул Пантелеймон Борисович. – А между тем, как только капитан Драчук покинул свой кабинет, так тут же Вягилев и Зинчуков тебя взяли в оборот. И пусть ты показал хорошую реакцию, но всё равно гипноз оказался сильнее тебя. Они узнали про тебя всё, что надо и...

Я в это время почувствовал легкое головокружение. Неужели меня пробили? Неужели узнали, кто я на самом деле? Узнали, что я майор Ерин и что мне на самом деле скоро должно было исполниться пятьдесят лет, а сейчас нахожусь в теле восемнадцатилетнего пацана?

– Узнали про тебя всё, Семён Валерьевич Епифанов, – послышался мягкий убаюкивающий голос Корнева. – Как ты родился, как рос, чем болел и о чем мечтал. Ты выдал всю информацию о себе. Вкупе с твоим стремлением к справедливости и умением лихо драться, тебя решено завербовать в "Гарпун". Ты будешь верным воином своей отчизне. А сейчас... Ты доволен жизнью, сыт и удовлетворен сексуально. Сейчас то, что добавлено в чай и мой голос довершат начатое. Твои веки тяжелеют... Ты хочешь спать... Сейчас ты устал и засыпаешь...

Под воздействием голоса я и в самом деле почувствовал усталость. Конечно, было радостно немного оттого, что они спрашивали как раз Семёна Епифанова, а не того Семёна, который был внутри. Но почему-то эта радость была вовсе не такой, от которой хотелось прыгать и плясать. Наоборот, жутко захотелось спать. Недавнее легкое головокружение переросло в тяжелое. Голова неожиданно стала тяжелой, а стол подпрыгнул вверх...

– Проснись!

От резкого хлопка я чуть не подскочил на месте. Я выпрямился и резко распахнул глаза. В голове была четкая ясность и такая чистота, как будто её вымыли изнутри с хлоркой. Тело было полно сил и энергии. Хотелось действовать. Хотелось делать хоть что-нибудь...

– Расскажи мне про "слепоту" Гитлера, – сказал Корнев.

Это было одним из первых документов, но я читал его так давно, что...

– Вечером тринадцатого октября одна тысяча девятьсот восемнадцатого года на фронте под бельгийским городом Вервике британская тридцатая дивизия атаковала позиции шестнадцатого Баварского полка. На головы немцев посыпались снаряды, начинённые горчичным газом (ипритом). Один из них в семь часов утра четырнадцатого октября разорвался поблизости от полевой кухни, на которой завтракал ефрейтор Адольф Гитлер с сослуживцами. От воздействия газа глаза Гитлера начали «гореть от боли», а через некоторое время он полностью перестал видеть. Поскольку внешних признаков поражения глаз и зрительного нерва не было, фронтовые врачи отправили Гитлера в психиатрическое отделение резервного лазарета в городе Пазевальк. Там вновь прибывшего больного осмотрел психиатр Эдмунд Форстер. По свидетельству врача Карла Морица Кронера, работавшего тогда в Пазевальке, Форстер поставил ефрейтору Гитлеру диагноз «истерическая слепота». Это означало, что физически пациент способен был видеть, однако его сознание отказывалось «принимать» визуальную информацию. Организм Гитлера бессознательно «симулировал» слепоту, лишь бы не возвращаться назад в окопы. Лечение, начатое доктором Форстером, довольно быстро вернуло Гитлеру зрение. Уже спустя месяц ефрейтор выздоровел. Однако из лазарета он выписался совершенно другим человеком...

Корнев кивнул и улыбнулся, потом спросил:

– А какой это по счету был документ в этот день?

– Двадцать шестой. В общей сложности я изучил в тот день семьдесят восемь документов.

– А ты ощущаешь, что разговариваешь сейчас со мной на немецком? На том самом языке, на котором и был составлен доклад?

Я почесал макушку. Невольно брошенный на настенные часы взгляд убедил меня, что куда-то пропало полтора часа. Их просто вычеркнули из жизни...

– Как я могу разговаривать по-немецки, если я даже в школе учил английский? – спросил я.

– Теперь ты имеешь небольшое представление о том, чем мы занимались в "Лаборатории Икс", – со смешком ответил Корнев.

В это время на улице раздался выстрел. На слух мне послышалось, что стреляли из винтовки Мосина, вот только звук был куда как громче.

Обрез?

– Выходи, сученыш! – послышался пьяный голос Гудрона. – Выходи, ..ля! Базар есть!

Лорд громко загавкал за воротами. Похоже, что псу не по нраву пришло стрельба.

– О, ты уже друзьями успел обзавестись? – ухмыльнулся Корнев. – Ну что же, пойдем. Раз люди ждут, то не надо их заставлять нервничать...

Глава 11

Возле калитки Пантелеймон Борисович остановился и приложил палец к губам, после чего вполголоса произнес:

– Их четверо. У одного обрез, у другого дрын в руках. У остальных двух могут быть ножи... Мда, и с этим они против нас решили выйти? Говорить буду я, а как позову, так можешь подыграть. Но не раньше, чем я позову. Всё понял?

В ответ я кивнул.

Понятно.

– Тогда изобрази дурачка. Да не смотри ты так, для дела нужно, – быстро прошептал Корнев.

Я пожал плечами, потом подергал головой, чуть высунул язык и скосил глаза к переносице.

– Пойдет. Вид придурковатый, как обычно, но пойдет. Как только позову, так выйди на улицу. Будешь играть так, чтобы сам себе поверил. Подберись к ним на расстояние удара и жди команды. На счет «три» начинай действовать.

После этого Корнев повернулся к калитке и отозвался:

– Иду! Кто там?

– Где этот мелкий сучонок? Борисыч! Говорят, что у тебя остановился мелкий ..здюк! – послышался голос с улицы. – Отдай его нам, Борисыч. Мы поучим его мальчика...

Пантелеймон Борисович подмигнул мне, после чего открыл калитку и прошел на улицу. Даже поднял руки, чтобы показать отсутствие оружия.

– Гришка, ты, что ли? Ты чего это с ружьем-то? Никак на охоту собрался? – неторопливо, с расстановкой спросил Корнев.

– На охоту, да, зайцев пострелять. Где твой постоялец-то? – послышался голос Гудрона.

– А ты никак его стрелять собрался? Так он же у меня слабый разумом, ты на дурачка охоту решил открыть? – участливо спросил Корнев.

– На какого дурачка? – теперь в голосе Гудрона послышались непонимающие нотки.

Я же понял, что Корнев завладевает их вниманием, усыпляет бдительность и переводит разговор в расслабляющую плоскость. Похоже, что сейчас как раз начался сеанс группового гипноза. Недаром в голосе звучат урчащие отголоски.

Лорд тихо стоял за калиткой, готовый в любой момент сорваться с места и атаковать пришельцев. Я был похож на пса. Чувствовал, как внутри словно натянули все жилы, и они готовы взорваться, чтобы придать телу ускорения.

– Так постоялец-то мой... Он же на голову с детства ушибленный. Привезли его на время, чтобы нашим целебным воздухом подышал, сил набрался. Вот, лечу его понемногу. А тебе он зачем понадобился-то? Или где дорогу перешёл? Так это он не со зла. Много ли мальчонке надо? Здоровьем его природа не обидела, а вот умишком обделила. Обидел он тебя, что ли?

Голос Корнева походил на морские волны. Эти волны играли вниманием слушателей, как отколовшейся от корабля щепкой.

Он точно убаюкивал их!

– Гудрон, так тебя придурок огорчил? – послышался чужой голос.

Этого мужчину я не слышал среди троицы. Похоже, взяли для усиления.

– Да чего ты мне по ушам ездешь, Борисыч? Нормальный он, – огрызнулся Гудрон. – Позови его сюда!

– Ну, как знаешь, – хмыкнул Корнев и позвал. – Боря! Боря, выйди погулять!

Пришла моя очередь выступать на сцене. Я снова чуть скосил глаза и начал подергивать головой, изображая болезнь Паркинсона.

Поклонов делать не стал, просто вышел наружу.

Четверо мужчин различной степени небритости. На лицах троих отметины от недавнего посещения магазина. Одежда на мужчинах подбиралась как на заказ, чтобы меньше пачкалась. Таким сделать пару вылазок и неделю можно не выходить на «работу». Правда, работа у них опасная, многие не доживают до пенсионного возраста.

Обрез полускрыт полой фуфайки. Зато виден дырн в руках третьего. Вот же шаолиньский монах – никак не успокоится. Сиплый держал руки в карманах. Вряд ли там у него были конфеты.

– Придуряется? – спросил сиплый.

– Может быть. Недавно он таким не был, – хмыкнул Гудрон.

– Или мы ночью не разглядели? – добавил третий.

– Ребята, так вы с ним уже сталкивались? Может он обидел вас каким словом? – спросил Корнев, как будто не замечая синяков на лицах троих. – Так может я заплачу вам немного, и вы не будете на слабоумного обижаться? Грешно же...

Он достал из кармана потертый кошелек. Коричневый прямоугольник в его руках раскрылся, и на свет показались корешки денежных билетов. Мужчины явно не ожидали такой прямоты и удивленно переглянулись.

Их внимание было поймано и сосредоточено на возможности легкого обогащения. Месть отошла на второй план?

Корнев кинул на меня взгляд и кивнул. Значит, его работа требовала поддержки. Ну, раз я дурачок, тогда...

Тогда я подошел сзади и проныл:

– Деда, а как жеж мне на пинджак?

Постарался сделать голос наиболее похожим на голос умственно отсталого. Мужики с большой дороги напряглись, когда увидели мою фигуру за спиной Корнева, но, услышав голос, немного расслабились. Это было видно по опущенным плечам и тому, что взгляды раз за разом возвращались к кошельку. Меня уже перестали воспринимать как угрозу. Я для полноты создания образа пустил тоненькую струйку слюны.

Корнев чуть обернулся ко мне, увидел слегка отвисшие губы, бессмысленный взгляд и подмигиванием оценил игру.

– Ох, горе ты моё. Ты зачем так вылез? Где твой слюнявчик?

Мужики невольно переглянулись. Зрители всё ещё сомневались в нашей игре, но было видно, что заглотили наживку и теперь уже представляли, как делят содержимое кошелька Корнева. Что же, мне оставалось только подойти ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.